

На правах рукописи

СИНЯВИНА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

**КОНЦЕПТ «УСТРЕМЛЕННОСТЬ В БУДУЩЕЕ» КАК ЭЛЕМЕНТ
КОНЦЕПТОСФЕРЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ**

Специальность 24.00.01 – Теория и история культуры
(культурология)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени доктора культурологии

Москва
2019

Работа выполнена на кафедре культурологии ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры»

Официальные оппоненты: *Варакина Галина Владиславовна*, доктор культурологии, заместитель директора по воспитательной работе Института славянской культуры ФГБОУ ВО «Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина»

Руцинская Ирина Ильинична, доктор культурологии, профессор кафедры региональных исследований ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»

Варава Владимир Владимирович, доктор философских наук, профессор Департамента истории, социологии и философии ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (МПГУ) (кафедра культурологии)

Защита состоится «7» ноября 2019 г. в 11 часов на заседании совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Д 210.010.04, созданного на базе ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры», по адресу: 141406, Московская обл., г. Химки-6, ул. Библиотечная, д. 7, корп. 2, зал защиты диссертаций (218 ауд.).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры» (www.nauka.mgik.org).

Автореферат размещен на сайте Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации www.vak3.ed.gov.ru «4» июля 2019 г., на сайте ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры» www.nauka.mgik.org «3» июля 2019 г., разослан «8» июля 2019 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор философских наук, профессор

Т.Н. Суминова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность данного исследования обусловлена рядом проблем, стоящих перед современным российским обществом и гуманитарной сферой знания:

1) одной из главных задач российского общества в начале XXI в. выступает *потребность в осмыслиении наличествующего социокультурного пространства и формировании новых мировоззренческих ориентиров*. С одной стороны, данная проблема обусловлена ситуацией «текущей современности» (З. Бауман), связанной с присущими современному социуму трансформационными процессами. Актуальное социокультурное пространство наполнено многочисленными паттернами и конструктами, конфигурация которых перманентно варьируется, что продуцирует быструю смену ценностных императивов. Современный человек не всегда оказывается в состоянии подстроиться, адаптироваться к происходящему, он дезориентирован, теряет чувство реальности и страшится будущего (Э. Тоффлер назвал данное состояние «футурошоком»). С другой стороны, продолжаются поиски комплекса адекватных методов конструирования российской идентичности и проектирования моделей модернизации страны и переустройства ее социально-политического пространства. Формирование данного комплекса невозможно без выявления национально-специфических черт и переосмысливания наиболее значимых в истории России моментов. Их выбор обусловлен тем фактом, что они задавали вектор дальнейшего развития российской цивилизации, а их развертывание и последствия становились предметом многочисленных дискуссий, нарративом, объясняющим современное состояние общества.

Если в предыдущие периоды формирование новой картины мира, выработка механизмов ее трансляции и укоренения в общественном сознании – процесс длительный, то в современной ситуации, когда «утрачена рамка жизни», следует говорить об «обществе текущей современности»¹ и текущей идентичности, что усложняет процесс их анализа. Многочисленные обсуждения и дискуссии по данной проблематике свидетельствуют о попытках обозначить некие актуальные для российского общества координаты и элементы нового видения мира;

2) проблема восприятия времени выступает одной из фундаментальных в научно-философском дискурсе. В естественнонаучных дисциплинах сегодня активно обсуждается концепция многомерного времени (по аналогии с различными моделями многомерного пространства). В гуманитарном же знании еще в конце 1950-х гг. наметилась тенденция по созданию междисциплинарного направления, которое сосредоточило бы внимание на анализе различных модальностей времени (социальное, индивидуальное, биологическое и пр.) и выработке в его границах общезначимого термина. Данную дисциплину предлагалось назвать «хронометрия» (J.L. Synge) или «хронософия» (Дж. Фрэзер). В связи с этим актуальность обладают исследования, посвященные концептуализации термина «время» и связанных с ним дефиниций – «прошлое», «настоящее», «будущее». Человек есть *существо интенциональное*, стремящееся придать смысл настоящему, которое детерминировано представлениями о прошлом и будущем. Реализация цели всегда есть процесс развертывания во времени, а, следовательно, имеющий проекцию на будущее. Современная техногенная цивилизация ориентирована на будущее, она вырабатывает прогностические модели развития, поэтому особый интерес представляет *культурологический анализ концепта «устремленность в будущее»*, предпринятый в аспекте диахронии/синхронии, особенности его бытования в русской культуре;

3) современному научному гуманитарному дискурсу, с одной стороны, присуща ориентация на выявление фундаментальных основ рассматриваемых объектов и поиск комплекса новых методов изучения, привлечение методологий смежных научных направлений для построения новых стратегий исследования. Для *культурфилософских и социокультурных дисциплин актуальным* видится обращение к парадигмальным характеристикам социокультурного дискурса и мировоззренческим категориям, аксиосфере, социокультурным нормам

¹ Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. С. 30.

и образцам.

С другой стороны, представителей гуманитарного знания упрекают в излишней склонности к субъективизации, что приводит к нивелированию полученных ими в ходе исследований результатов, поскольку ставится под сомнение объективность их выводов. Отчасти это связано с осознанием современными учеными-гуманитариями некоторого несовпадения между наличествующими знаниями и возможностями их запечатления/отражения в языке. Л. Витгенштейн, в частности, отмечает, что «именование кажется какой-то необычной связью слова с объектом. И такая странная связь действительно возникает, когда философ пытается выявить особое отношение между именем и именуемым»¹, однако не всегда удается адекватно зафиксировать суть того или иного явления/феномена. Более того, часто наличествует интуитивное понимание той или иной дефиниции, что приводит к ощущению очевидности ее трактовки. Однако любая попытка понятийного определения при опоре лишь на интуитивную позицию ведет к серьезным трудностям и ошибкам. В связи с этим *для современного культурологического знания актуальной становится правильная работа с выстраиванием понятийного конструирования, одним из элементов которого выступает концепт*;

4) концепт как ментальный конструкт, как культурное представление, запечатленное в слове, аккумулирует устойчивые элементы аксиосферы, фиксирует базовые координаты картины мира. Однако до сих пор продолжаются поиски адекватных методов описания специфики концептуализации того или иного феномена, в частности, механизмы моделирования и конструирования концептов. Кроме того, *необходимо отметить различие функциональной значимости и структуры концепта в смежных областях гуманитарного знания*, поскольку каждая из наук имеет собственное проблемное поле и логику исследования. Концепт как феномен активно изучается в рамках математического анализа, лексикографии, лингвокультурологии, когнитивистики, лингвопсихологии, однако предметом культурологического исследования фактически не становился;

5) говоря о каком-либо концепте в контексте истории культуры, всегда совершается акт реконструкции, поскольку специфичность концепта такова, что он никогда не выступает аутентичным самому себе. Сформировавшись в сознании человека, он даже его носителем не может быть выражен в образе/слове во всей полноте, он не изоморfen своему мыслительному представлению. Более того, фокус анализа концепта нацелен на выявление его исторической трансформации и актуального ему культурного контекста. Другими словами, любая процедура с концептом предполагает действие – мыслительный акт, задающий вектор познавательной деятельности человека (умозаключение, предположение и пр.). *Таким образом, одним из главных вопросов в данном случае выступает проблема понимания, а основной целью – реконструкция смысла*.

Более того, опираясь лишь на описание наличествующего текста культуры, без попытки анализа потенциального текста, т.е. выявления константных семантических структур, их сочетаний и типов взаимодействия, возможны серьезные аберрации. В связи с этим рассмотрение внутренней организации концепта и концептосферы культуры позволяет получить «информацию для типологического анализа» структуры культуры, «для понимания связанных с ней идеалов и ценностей»² и конструирования актуального смыслового пространства историко-культурного периода.

Следует говорить и о существовании константных концептов в сознании человека, сообщества, этноса, выступающих одной из основ социокультурной коммуникации и межпоколенной преемственности, поскольку реликтовые слои концепта составляют матрицу коллективной культурной памяти. Таким образом, **актуальность темы**, помимо сказанного выше, заключается в необходимости определения комплекса данных концептов в русской культуре и реконструкции их смыслового пространства в рубежные историко-культурные периоды.

¹ Витгенштейн Л. Философские исследования [Электронный ресурс] // URL: http://royallib.com/book/vitgenshteyn_lyudvig/filosofskie_issledovaniya.html (дата обращения - 14.09.2018)

² Глебкин В.В. Ритуал в советской культуре. М.: Янус-К, 1998. С. 74, 69.

Научная проблема исследования. Перечисленные в предыдущем разделе актуальные темы, стоящие перед современным российским обществом и гуманитариями, дают возможность сформулировать научную проблему, характер которой имеет важное теоретическое и прикладное значение.

Рассмотрение любой национальной культуры возможно посредством выявления трансформационных механизмов, обеспечивающих ее развертывание во времени и продуцирующих комплекс присущих лишь данной эпохе текстов культуры, которые обладают специфичностью, благодаря которой и возможна их дальнейшая идентификация (в частности, стилевая). Но возможен анализ национальной культуры через поиск неких константных элементов, сохраняющих свою актуальность на протяжении всей ее истории, которые выстраиваются в некую систему, воспроизводящую себя и аккумулирующую национальные особенности. Одной из таких систем следует считать концептосферу национальной культуры, состоящую из концептов, каждый из которых представляет многоуровневую структуру культурно и социально значимых, аккумулированных в коллективном сознании конструктов.

Большая часть научных работ, посвященных истории отечественной культуры, акцентирует внимание на различных ее аспектах (в частности, рассматриваются характерные черты того или иного периода, процессы формирования того или иного явления/феномена культуры). Однако в существующих сегодня немногочисленных исследованиях, посвященных концептосфере русской культуры, отсутствует анализ смыслового пространства концепта «устремленность в будущее» в рубежные эпохи, имплицитно содержащее возможные варианты развития российской цивилизации. Построение прогностических моделей и разработка стратегий развития, анализ сценариев возможного будущего выступает одним из важных аспектов в жизни современной цивилизации. Бытование последней детерминировано запрограммированной устремленностью к той форме существования, которая способна реализовать смыслообразующий потенциал цивилизации. Более того, всякое действие можно рассматривать как устремление. Таким образом, концепт «устремленность в будущее» является неотъемлемой частью актуального социокультурного пространства.

Особенность бытования данного концепта в русской культуре связана с инверсионным типом мышления русского человека. Формируемые мышлением дуальности часто не позволяют человеку положительно оценить настоящее и принять его как срединную точку между прошлым и будущим, а устремляют к одному из полюсов, кажущемуся в данный момент идеальным/возможным вариантом дальнейшего развития. То есть в пространстве русской культуры, начиная с середины XVII в., восприятие настоящего чаще всего не соответствовало представлению о социальном идеале, что продуцировало недовольство наличествующим состоянием и толкало на поиск путей для достижения его абсолютной формы. Этот путь видится в реализации одной из оппозиций дилеммы: возврат/возрождение патриархальной старины или продуцирование и последующее воплощение некоего новаторского проекта. Наличие инверсионного мышления придает ускорение процессам, направленным на воплощение данного идеала.

Аккумулирование в концепте «устремленность в будущее» различных смыслов (в частности, и как временной отрезок, и как стремление к реализации идеала) позволит проследить:

- трансформацию представлений о времени как базового элемента картины мира в контексте русской культуры;
- становление типологических черт, присущих русской культуре, специфические характер и направленность ее динамики, поскольку в данном концепте содержатся актуальные для конкретной эпохи семантико-символические смыслы;
- возникновение на каждом из этапов ее развития определенной культурной модели, которой присуща специфическая структура и конфигурация элементов;
- актуализацию и трансформацию структурных элементов концептосферы русской культуры, благодаря чему станет возможным определение ее константных компонентов.

Исследователь, обратившись к анализу социокультурного пространства того или иного

историко-культурного периода, сталкивается с проблемой рассмотрения множества фактов, которые оказывали воздействие на протекание различных процессов в данную эпоху. Сегодня в гуманитарной сфере сформировалось представление о пребывании человека в контексте дискурса. Другими словами, общество существует в пространстве конструируемых смыслов и ценностей, выражаемых в языке, который многими исследователями трактуется не просто как способ мышления, а собственно мышление. В связи с этим концепт с его возможностями фиксации смысла актуальной ментально-когнитивной картины мира посредством языка позволяет сделать анализ более объективным и помогает дать адекватную оценку эпохе, что является важным для осмыслиения современного состояния социокультурного пространства при построении прогностических моделей.

Степень изученности проблемы. Изложенная в данном исследовании концепция является оригинальной, построенной на анализе фактологического и теоретического материала. Рассмотрение концепта «устремленность в будущее» как структурного элемента концептосферы русской культуры предпринимается впервые. Хотя необходимо отметить, что отдельные аспекты данной проблематики становились предметом изучения разными научными направлениями и школами.

Несмотря на появление слова «концепт» еще в древнеримской культуре, его активное использование относится к более поздним эпохам (в Средние века – П. Абеляр, Ф. Аквинский, Г. Порретанский, Д. Скот; в период Ренессанса – Л. Ариосто, Данте). В классической философии данный термин не употреблялся, но поскольку концепт трактуется как мыслительная конструкция, то особый интерес представляли работы, посвященные проблемам мышления и чувственного восприятия (Г. Гегель, И. Гердер, И. Кант, Г.В. Лейбниц, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, Ф. Шеллинг, Д. Юм).

Со второй половины XX в. термин «концепт» начинают активно использовать в лингвокультурологии, когнитивной лингвистике, лингвистике текста, лингвопсихологии. Хотя в рамках указанных дисциплин так и не сформировалось единого определения данного термина, все они исходят из представления о концепте как о ментальном феномене. Более того, в рамках лингвокультурологии, основы которой закладываются, в частности, работами А. Потебни, внимание акцентируется на способах отражения/закрепления и механизмах воспроизведения феноменов/явлений культуры в языке (А. Вежбицкая, С. Воркачев, В. Демьянков, А. Залевская, В. Карасик, Е. Кубрякова, С. Ляпин, С. Неретина, В. Нерознак, U. Neisser). Таким образом, проблемное поле указанных дисциплин предполагает, опираясь на интегративную методологию, рассмотрение языка в контексте концепции, предложенной еще В. фон Гумбольдтом, видевшего в нем «выражение духа народа».

Лишь в XX в. концепт становится одним из главных культурологических и культурфилософских объектов изучения (С. Аскольдов, Л. Выготский, Ф. Гваттари, Ж. Делёз, Д. Лихачев, С. Неретина, А. Огурцов, Ю. Степанов, А. Ричардс, А. Ухтомский, М. Bal, Ch. Peacocke). Поскольку концепт выводит на анализ таких феноменов как картина мира, менталитет, ментальность, то интерес представляли работы, связанные с данной тематикой (Г. Вдовин, М. Громов, А. Гуревич, П. Гуревич, В. Ремизов, А. Юрганов). Одними из первых к ней обращаются представители школы «Анналов» (Ф. Арье, М. Блок, Ж. Лефевр, Л. Февр). Более того, Л. Февр и Э. Бенвенист стояли у истоков анализа культурлексикона и указывали на трудности, связанные с изучением данной проблематики (в частности, отсутствие лексических слов, индексов, способных помочь в подобных изысканиях). Л. Февра следует считать одним из основоположников не только исторической антропологии, но и концептографии.

Стереотипы и особенности национального характера, составляющие основу ментальности, в разные годы анализировали Э. Дюркгейм, Г. Гачев, А. Гуревич, П. Гуревич, А. Кантор, А. Книгин, И. Кондаков, Ю. Лотман, М. Хайдеггер, М. Шибаева, К.Г. Юнг. Л. Леви-Брюль при изучении культуры первобытных обществ, опираясь на концепцию Э. Дюркгейма о значимости социального фактора в поведении и психологии человека, приходит к выводу о существовании коллективных представлений, детерминирующих поведение индивида. Более того, он подчеркивал, что разным обществам присущи различные типы мышления. Особо

следует выделить концепцию Э. Гуссерля, одним из главных элементов которой стала интенциональная природа сознания.

В работах Н. Хомского выдвигается продуктивное для данного исследования положение о существовании в языке глубинного/семантического и поверхностного/синтаксического уровней, что позволяет выделять их и в текстах культуры. Идя дальше, В.Н. Романов вводит понятие «потенциальный текст культуры», в котором аккумулированы присущие той или иной культуре характеристики, еще не получившие фиксации в устном или письменном тексте, они как бы предшествуют ему. Их совокупность получает в данной концепции название «система ожидания» культуры (в частности, в русской культуре В.Н. Романов выделяет такие смыслообразующие понятия, как «народ», «интеллигенция», «государство»), поскольку именно их взаимодействие и взаимовлияние детерминирует поведение человека, а вектор его деятельности связан с определенной областью «потенциального текста культуры».

Проблема границ и их фиксации (экзистенциональных, символических, социокультурных) рассматривается в работах отечественных и западных культурологов и философов, социологов культуры и культурных антропологов. Часть из них посвящена осмыслинию диахронии «свой – чужой» и выявлению ее трансформации (Г. Зиммель, Ю. Лотман, А. Тойнби, Е. Шапинская, М. Элиаде). Анализ границы социокультурного пространства представлен в исследованиях В. Глебкина, Л. Гумилева, Г. Гусейнова, В. Каганского, И. Купцовой, О. Лавреновой, Т. Лукмана.

В связи с обозначенной тематикой особый интерес представляли работы, в которых различные феномены анализируются в контексте знаково-символической методологии (В. Байдин, Р. Барт, М. Бахтин, К. Гирц, Вяч. Иванов, К. Леви-Строс, Ю. Лотман, Д. Норман, А. Соломоник, В. Топоров, Б. Успенский). Данный подход в качестве основополагающего компонента рассматривает язык («знаковая система», «гиперкод», «код» и пр.) как систему, аккумулирующую означающие и означаемые различные элементы, продуцирующую и детерминирующую модели поведения в социокультурном пространстве. Основы семиотического подхода были сформулированы Ч. Пирсон, но для данной работы принципиальное значение культурно-семиотического подхода заключается в возможности выявления концепуально-значимых характеристик культурных феноменов/явлений и процессов. Кроме того, особого внимания заслуживает «семиосфера» Ю.М. Лотмана, предложившего методологический подход к ее изучению, который продуктивен и при анализе объекта данного диссертационного исследования, а также работы И.В. Кондакова («Концептосфера русской культуры»), Ю.С. Степанова («Константы», «Концепты. Тонкая пленка цивилизации»), Д.С. Лихачева («Концептосфера русского языка»). Любопытен и результат проведенного Л.П. Карсавиным анализа религиозности средневековой Италии и введенного понятие «общий фонд», который представляет совокупность понятий каждого члена рассматриваемой группы. Однако актуализация «общего фонда» связана лишь с определенным образом устроенным историко-культурным контекстом, при этом уровень активизации у каждого из членов группы может различаться (т.е. этот фонд пребывает как потенция, «видимо не проявляясь»¹). Заслуживает внимания и теория А. Михальской, которая вводит термин «субсфера» для обозначения семантических полей, образующихся вокруг ключевых слов/фраз политической риторики.

Интерес для данной диссертации представляла и диалогическая концепция культуры и анализ диалога как феномена культуры, разработкой которых занимались как отечественные (М. Бахтин, В. Библер, М. Петров, В. Тощенко, Е. Шапинская), так и западные специалисты (М. Бубер, Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер, К. Ясперс). Несмотря на различие авторских позиций, диалог ими рассматривается как константа взаимодействия в социокультурном пространстве, как основа коммуникации и способ мышления.

Отдельно необходимо сказать о блоке работ, посвященных пространственно-временным категориям, которые выступают базовыми, фундаментальными при рассмотрении фактиче-

¹ Карсавин Л.П. Основы средневековой религиозности XII–XIII вв. преимущественно в Италии. Петроград: Типография «Научное дело», 1915. С. 11.

ски всех феноменов/явлений. Осмысление проблемы пространства и времени начинается еще в древнем мире (Гераклит, Парменид, Платон, Аристотель, Средневековье – Ориген, Аврелий Августин, Ф. Аквинский). Начало концептуализации представлений о времени как одной из форм бытия приходится на Новое время (Дж. Беркли, Г. Галилей, Г. Гегель, Р. Декарт, И. Кант, И. Ньютона, Г. Лейбниц) и продолжается до сих пор. Таким образом, к сегодняшнему дню сформировались разные подходы к рассмотрению данной проблематики, в рамках которых анализируются направленность времени (анизотропия), его необратимость, новые формы и методы познания времени (В. Вернадский, А. Грюнбаум, Э. Ласло, К. Левин, О. Разумовский, Г. Рейхенбах, А. Фридман). Кроме того, особой интерес представляли концепции ноосферы В. Вернадского и пневматосферы П. Флоренского, их новый подход к осмыслению мироустройства, который они рассматривают как область, в которой аккумулируется духовный опыт, транслируемый впоследствии в социокультурное пространство и наделенный возможностью быть реализованным.

Идеи прогрессивного развития культуры и культурной динамики представлены в исследованиях как отечественных (С. Аверинцев, Л. Гумилев, Г. Дилягенский, С. Иконникова, И. Ионов, М. Каган, Э. Маркарян, Э. Орлова, А. Флиер, В. Чижиков, О. Шлыкова), так и зарубежных (П. Бёрк, Ф. Бродель, И. Гердер, Э. Дюркгейм, Р. Козелек, Ж.-А. Кондорсе, Б. Латур, А. Тюрго, К. Ясперс, Г. Лукас) авторов. Теория эволюции культуры складывается, в частности, благодаря работам Л.Г. Моргана, Г. Спенсера, Э. Тайлора, Дж. Фрэзера, Ф. Энгельса.

Различные аспекты динамики культуры, включая теорию нелинейности и синергетику, в разные годы разрабатывали Б. Малиновский, А. Моль, Т. Лири, А. Назаретян, Х. Ортега-и-Гассет, И. Пригожин, П. Сорокин, В. Степин, А. Фикин, Ю. Хабермас, Г. Хакен. Особо следует отметить представителей постмодернистской философии (Р. Барт, Ж. Бодрийяр, Ф. Гваттари, Ж. Делёз, Ж. Деррида), благодаря которым нелинейная динамика культуры обрела собственную методологию и была концептуализирована в пространстве культуры. Необходимо отметить, что отдельные работы по нелинейной культурной динамике появлялись и ранее (А. Бергсон, Ф. Ницше, О. Шпенглер), а проблеме непредсказуемости уделяли внимание Г. Гегель, Ф. Энгельс. Кроме того, поскольку концептосфера рассматривается как система, то были проанализированы подходы Л. фон Берталанфи, основоположника общей теории систем, и А.А. Богданова.

В связи с динамикой культуры находится и ряд вопросов, касающихся феномена переходности (Н. Безуглова, А. ван Геннеп, Е. Князева, И. Кондаков, Н. Хренов), хронотопа и темпоральности (О. Агеева, А. Алюшин, А. Болдачев, Е. Князева, В. Буданов, Л. Вишняцкий, С. Капица, С. Курдюмов, И. Леонов, В. Степин), концептуализации в культуре Нового времени терминов «революция», «история» и «будущее» (Х. Арендт, Н. Бердяев, В. Васильев, Р. Гвардини, Г. Гегель, И. Гердер, С. Ильинская, И. Кант, Б. Капустин, Р.Дж. Коллингвуд, Т. Кун, М. Сараф, П. Сувчинский, А. де Токвиль, Ш. Фицпатрик, В. Хачатурян), построения прогностических моделей (П. Бергер, И. Купцова, Т. Лукман, К. Маркс, А. Назаретян, Ф. Энгельс).

Анализ концептосферы предполагает поиск смысловых контекстов, присущих тому или иному историко-культурному периоду, а, следовательно, затрагивает следующие аспекты: культура как память (Д. Лихачев, Ю. Лотман, И. Савельева, А. Полетаев, А. Флиер, Г. Флоровский), проблема культурной преемственности, взаимоотношений традиций и новаций (Г. Беккер, А. Босков, Р. Гвардини, С. Иконникова, Ю. Лотман, И. Малыгина, Э. Маркарян, М. Шибаева), осмысление феномена ценности и трансформация ценостной системы (В. Варава, Л. Витгенштейн, Н. Гартман, Г. Гачев, С. Гертнер, Э. Дюркгейм, Э. Ильенков, М. Каган, Ю. Китов, И. Купцова, Е. Мареева, Э. Маркарян, Г. Риккерт, Ю. Хабермас), проблема восприятия и адекватной трактовки социокультурного пространства предшествующего времени (О. Астафьев, И. Гердер, Г. Гриненко, П. Гуревич, В. Каганский, В. Ремизов, И. Руцинская, П. Рикёр, Т. Суминова, Ю. Шор).

Особо следует выделить исследования, посвященные феномену памяти, интерес к кото-

рому проявился в начале XX в. Постепенно в контексте гуманитарного знания память начинает рассматриваться как динамическая система, присущая не только индивиду, субъекту, но и обществу в целом. Таким образом, складывается новое представление о памяти как феномене, выступающим одним из элементов в психологии общества (Л. Хальбвакс, А. Варбург). Благодаря работам А. Лурия и Л. Выготского в научный оборот введен термин «культурная память». К данной проблеме в разные годы обращались Ж. Ле Гофф, Р. Коллингвуд, Я. Ас-сманн, М. Shirvani.

Влияние на формирование концептосферы оказывают присущие данной эпохе мифотворчество и продуцируемые им мифологемы (Л. Воеводина, Р. Дж. Коллингвуд, Дж. Кэмпбелл, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Строс, А. Лосев, Д. Норман, А. Ставицкий, М. Элиаде, К.-Г. Юнг, В. Байдин), а так же идеология и идеологемы (М. Гирц, А. Дестют де Траси, Г. Наан, М. Сарраф, Б. Спиноза, Т. Иглтон, П. Рикер), поэтому были проанализированы труды, посвященные данной проблематике. Кроме того, самобытное исследовательское поле представляют работы по истории политической культуры и осмыслению феномена государства (П. Андерсон, П. Бурдье, М. Вебер, Э. Гидденс., Г. Гроций, Э. Канетти, Ж.А. Кондорсэ, Дж. Локк, Н. Макиавелли, Ш. Монтескье, Ж.-Л. Нанси, В. Тихонова, А. де Токвиль, М. Хрох, С. Шомова, Д. Юм, Р. Bonney, М. Fogel).

Рассмотрение концептосферы русской культуры невозможно без опоры на классические исследования по отечественной истории (Г. Вернадский, Н. Карамзин, В. Ключевский, Б. Миронов, С. Платонов, С. Соловьев) и истории философии (В. Зеньковский, Н. Лосский, В. Розанов, В. Соловьев, Ф. Степун, Н. Трубецкой, П. Флоренский), а так же на религиозно-философские труды и работы по истории церкви (Н. Бердяев, В. Варава, Н. Гальковский, Е. Голубинский, Евсевий Памфил, О. Ермишин, В. Зеньковский, А. Карташев, В. Мартинович, И. Мейendorf, Г. Федотов, Н. Шафажинская).

Поскольку концепт «устремленность в будущее» аккумулирует различные структурные элементы (в частности, утопию, мессианизм), то интерес представляли исследования, посвященные разным вариантам утопии (от широкомасштабных проектов до индивидуальных замыслов) (В. Бакулов, Э. Баталов, Э. Блох, Г. Гриненко, Б. Егоров, Г. Маркузе, Е. Несмиянов, Ф. Полак, Н. Федоров, В. Чаликова, Е. Черткова, К. Чистов, П. Тейяр де Шарден, Е. Шацкий, М. Янг) и русскому мессианизму (Н. Бердяев, В. Зеньковский, В. Кандинский, М. Саркисянц, В. Соловьев, С. Франк).

Работы по истории русской культуры, особенностям ее развития, можно разделить на несколько блоков в зависимости от предмета рассмотрения: анализ ее ценностно-смыслового ядра (Н. Бердяев, В. Варава, И. Кондаков, К. Леонтьев, Д. Лихачев, Н. Лосский, И. Малыгина, В. Межуев, А. Панарин), бинарность ее структуры и инверсионный тип мышления, присущий русскому человеку (А. Ахиезер, Ю. Лотман, И. Кондаков, И. Пригожин, Б. Успенский, С. Хоружий); характеристика отдельных историко-культурных этапов (дореволюционный период – А. Аронов, Л. Андреева, Дж. Х. Биллингтон, И. Будовниц, Г. Варакина, М. Гершензон, А. Горский, М. Громов, В. Дякин, В. Живов, В. Земсков, Н. Золотухина, А. Зорин, Н. Козлов, В. Мильков, В. Лукин, В. Мавродин, Л. Милов, А. Панченко, Е. Погосян, В. Пропп, F. Ley; советский период – А. Аронов, Ю. Асоян, А. Ахиезер, А. Безансон, Д. Волкогонов, В. Глебкин, Б. Гройс, И. Кондаков, И. Руцинская, А. Синявский, Ш. Фицпатрик); отношение деятелей художественной культуры, научной и политической элиты к культурной политике (А. Белый, митрополит Иларион, В. Кандинский, К. Каутский, П. Керженцев, И. Киреевский, В. Ленин, М. Ломоносов, А. Луначарский, Н. Гоголь, Петр I, Ф. Прокопович, М. Рейнер, П. Струве, Л. Троцкий, А. Тургенев).

Ряд актуальных для исследования работ посвящен теории искусства (В. Бранский, В. Мириманов, С. Никонова, В. Самохвалова, И. Франк, С. Шомова) и особенностям развития художественной культуры России, как дореволюционного (М. Алпатов, Г. Варакина, Г. Вдовин, А. Демин, Д. Лихачев, Г. Поспелов, Д. Сарабьянов, Г. Стернин, А. Ужанков), так и советского (Б. Гройс, И. Ирхен, А. Морозов, Н. Неженец, В. Паперный, Шт. Плаггенборг, И. Руцинская, Н. Степанян, Д. Хмельницкий, В. Байдин) периодов.

Однако, несмотря на полученные к настоящему моменту результаты, ставшие уже частью научного дискурса, необходимо отметить ряд так и не рассмотренных в рамках заявленной проблематики аспектов:

- концептосфера русской культуры не получила целостного осмыслиения в контексте культурологии, а концепт «устремленность в будущее» как один из ее структурных элементов никогда не становился предметом анализа;

- не систематизированы представления о концепте в контексте культурологического анализа.

Объект исследования – концептосфера русской культуры как динамическая система

Предмет исследования – концепт «устремленность в будущее» и его модальные формы в контексте русской культуры 1460–1930-х гг.

Цель исследования:

- создание целостного представления о концептосфере русской культуры как динамической системе с последующим выделением в ней доминант, одной из которых выступает концепт «устремленность в будущее»;

- выявление структурных компонентов концепта «устремленность в будущее» в рубежные для России историко-культурные периоды.

В связи с заявленной целью были определены **задачи исследования**:

1) рассмотреть основные подходы к определению терминов «концепт» и «концептосфера» в гуманитарных науках (в частности, лингвокультурологии, философии, культурологии, культурной семантике) и провести их сравнительный анализ, определить критерии актуальных типологий концептов и представить комплекс культурологических методов для изучения последних;

2) выявить основные структурные элементы концепта «будущее» в контексте европейской культуры – «время» и «история» – и проследить трансформацию их смысловых коннотаций на диахронно-синхронном уровне;

3) детерминировать основные подходы к определению смыслового пространства концепта «революция»; рассмотреть особенности бытования революции как события в социокультурном пространстве Европы XVIII–XIX вв., а так же его корреляцию с современным пониманием истории и ориентацией на моделирование стратегий, определяющих специфику построения будущего;

4) раскрыть семантическое и смысловое значение дефиниции «концептосфера национальной культуры»; верифицировать взаимосвязь дуальных оппозиций, образующих смысловое пространство концептов национальной концептосферы, и бинарной структуры русской культуры;

5) реконструировать социокультурный контекст, в границах которого происходила концептуализация термина «будущее» в Древней Руси; выявить модальные формы концепта «устремленность в будущее» в рубежные моменты древнерусской истории и определить его функциональную значимость в концептосфере русской культуры;

6) проследить трансформацию семантического поля концепта «устремленность в будущее» в русской культуре Нового времени, рассмотрев комплекс способствовавших этому политических и социокультурных факторов; установить причины актуализации новых структурных элементов концептосферы русской культуры (Россия, империя, государство, Отечество, Петербург) в этот период;

7) реконструировать концептосферу русской культуры рубежа XIX–XX вв., выявив концепты, присущие предшествующему периоду и сохранившие статус ядерных в начале XX века (Отечество, Россия, раскол, история), а так же определить концепты, появившиеся в 1870–1910-е гг. (партия, народ, народничество, интеллигенция); рассмотреть содержание концепта «устремленность в будущее» в контексте ценностных систем основных социокультурных групп русского общества рубежа XIX–XX вв.;

8) выявить основания для формирования смыслового пространства доктрины «Москва – третий Рим» в контексте хилиастических и эсхатологических представлений Средневековья

как отражения представлений о будущем;

9) ретроспективно рассмотреть утопии 1820–1860-х гг. и определить комплекс идей и концептов, сохранивших свою актуальность в утопических течениях начала XX в. (в частности, эсхатологические и хилиастические идеи, идея соборности, идея преображения, мессианизм); провести сравнительный анализ сложившихся на рубеже XIX–XX вв. утопических теорий для выявления основных тенденций видения будущего русским обществом данного периода;

10) выявить механизм формирования образа Октябрьской революции в 1920–1930-е гг. и способы его последующей концептуализации и презентации; проанализировать смысловое пространство концепта «Октябрьская революция» и рассмотреть его структурные компоненты (революция как событие, революция как миф об основании и миф о Воскресении, Герой, вождь, партия, пролетариат).

Гипотеза исследования: инверсионный тип мышления, присущий русскому обществу, продуцирует дуальные оппозиции (в частности, старое/традиционное – новое/модернизированное), столкновение полюсов которых запускает механизм маятникового развития, приводящего к расколу общества. Концепт «устремленность в будущее» выступает интегрирующим, константным фактором в ситуации раскола, аккумулирующим потенциальные модели мироустройства и задающим вектор развития русской цивилизации. Если данное положение рассматривать в терминах синергетической методологии, то смысловое пространство между полюсами дихотомий представляет собой саморазвивающуюся систему, а концепт «устремленность в будущее» выполняет функцию аттрактора (в рамках стохастически-вероятностного подхода) или селектора (в контексте селективного детерминизма).

Хронологические границы исследования предполагают акцентирование внимания на периоде с 1460-х по 1930-е гг., что связано со следующими положениями:

- формирование великорусской ветви славянства завершается к рубежу XIV – XV вв., что дает право рассматривать данную эпоху как момент возникновения концептосферы русской культуры: актуальные для разных регионов и социальных слоев концепты начинают выстраиваться в единую систему (этот процесс был детерминирован и политическим аспектом, поскольку на это время приходится процесс централизации власти московского князя). *Таким образом, нижняя хронологическая граница в исследовании относится к 1460-м гг.* (хотя и предшествующий период будет ретроспективно рассмотрен, ибо формирование некоторых концептов русской культуры, приобретших впоследствии статус константных, приходится еще на дохристианскую эпоху);

- значимые события, оказавшие влияние на формировании «социальной оболочки» (В. Глебкин) советской культуры, относятся к 1930-м гг.: постановление ЦК «О перестройке литературно-художественных организаций» (1932), создание Всероссийской Академии художеств (1932), Первый съезд советских писателей (1934), введение цензуры (1936). *Таким образом, рубеж 1920–1930-х гг. следует рассматривать еще как продолжение воспроизведения текста русской культуры, и верхнюю хронологическую границу в работе;*

- анализ концептосферы русской культуры 1460–1930-х гг. позволит показать преемственность и взаимосвязь не только соседствующих во времени историко-культурных периодов России, но, в частности, царской и советской эпох. В современной гуманитарной науке вопрос о когерентности императорской и советской России выступает до сих пор одним из самых дискуссионных. Определение константных элементов концептосферы русской культуры (Россия, народ, интеллигенция, Правда и др.), в том числе и выявлении структурных элементов концепта «устремленность в будущее», позволит продемонстрировать степень общности между указанными эпохами и единую логику развития русской культуры.

Теоретико-методологические основы исследования. Данное исследование носит междисциплинарный характер, поэтому для получения адекватных результатов доминантными становились подходы, позволяющие рассматривать концептосферу как динамическую систему.

Поскольку концепт выступает как ментальный конструкт, запечатленный в слове/образе,

то интерес представляли изыскания софистов, установивших разницу между моделью реальности и реальностью и разрабатывавших инструменты ее исследования, где одно из главных мест принадлежало слову (Гиппий Элидский, Горгий, Протагор). Последователем данной позиции можно считать М. Вебера, введшего понятие «идеальный тип», аккумулирующее множество характеристик и особенностей, формирование которого происходит с помощью вычленяемых из социокультурной среды концептов, репрезентируемые впоследствии как реальные сущности. Другими словами, М. Вебер отмечает, что между изучаемой исследователем реальностью и сформированным в его сознании представлением о ней налицоует дистанция. «Идеальные типы» Вебера выступают удобным инструментом анализа, поскольку представляют концептуальную модель, использование которой помогает в осмыслении реальности, хотя и не предполагает ее полного совпадения с объективной реальностью.

Важным методологическим основанием является и конструктивистский подход (П. Бергер, Т. Лукман, Х. Патнэм), главная идея которого сосредоточена на конструировании знаний познающим субъектом. Модель, возникающая в результате подобной деятельности, не рассматривается как ложная или истинная, а интерпретируется как соответствующая или не соответствующая налицоющей картине мира. Кроме того, данный подход базируется и на представлении о том, что лишь посредством конструирования (т.е. описания, фиксации) происходит открытие того или иного феномена/явления наукой. Другими словами, данная концепция представляет интегративное образование, включающее как эпистемологический ракурс, так и прикладной, ориентированный на социальную сферу.

Методологически продуктивным следует считать подход, предложенный И.В. Кондаковым, выделявшим русскую социальную историю, которой присущи темпоральность и динамизм, и русскую культурную историю, характеризующуюся длительной неподвижностью. Подобная позиция присуща и Т. Парсонсу, который предлагает разделить социальное и культурное пространство, корреляция между которыми сильна, однако каждое из них аккумулирует собственный набор специфических черт и характеристик. Культурное пространство детерминировано различными символическими объектами, выполняющими в социуме роль системы ценностей. Опираясь на данные концепции, В. Глебкин выделяет в культуре социальный («социальная оболочка») и культурный («культурное моделирование») уровни, которые тесно взаимосвязаны. Указанные подходы интересны тем, что позволяют четко очерчивать предмет рассмотрения, относя его к социальной или культурной сфере, благодаря чему исследователь использует соответствующий научный инструментарий. Если трансформация «социальной оболочки», которая не наделена культурной памятью, носит перманентный характер, и приводит к формированию новой «социальной оболочки» (с новым социальным порядком, правилами, производящими и набор новых культурных форм), то для «культурного моделирования» характерно наличие культурной памяти, выступающей одним из основных факторов культурного развития. Кроме того, «культурное моделирование» не подвержено столь быстрым изменениям, как «социальная оболочка», что позволяет выявить универсальные категории, присущие данной модели.

Одним из основополагающих подходов выступает и неоклассическая модель исторического исследования (А. Лубский, Б. Миронов, Л. Репина), представляющая интегративное образование, ядром которого является теория «прагматического поворота», заключающегося в сближении социальной и культурной истории, синтез макро- и микроанализа, ориентированности на реконструкцию социокультурного пространства того или иного исторического периода, на его объяснение и понимание. В контексте данной методологии субъективность проявляется как необходимое условие при выборе исходных концептуальных подходов при анализе.

Необходимым виделось и обращение к работам, посвященным теоретическому осмыслению традиций (Э. Маркарян, Т. Рейнджерс, Э. Хобсбаум, Е. Шацкий, Э. Шилз). Современное гуманитарное знание, давно изучающее данную проблему и предлагавшее придать ей особый статус в виде отдельного научного направления под названием «традиционология», накопило немало подходов к ее рассмотрению. Однако сегодня их можно сгруппировать в две

категории, одна из которых исходит из позиции, что традиции выступают подобием социокультурных генов, определяющих специфику конкретного общества. В этом случае его социокультурное пространство предстает в виде комплекса традиций, формирующих характерный только ему культурный генотип. Второй подход (Т. Рейнджер, Э. Хобсбаум) исходит из положения, что традиции выступают как результат социокультурного конструирования и воспроизведения уже ушедшего. Но, несмотря на разницу позиций, все исследователи разделяют точку зрения, что традиции следует рассматривать как набор социокультурных образцов, выступающий ядром ценностно-нормативной системы общества («коллективное сознание» у Э. Дюркгейма, «генерализованные универсалистские нормы» и «структурированный нормативный порядок» у Т. Парсонса, «гражданская религия» у Р. Беллы). Исходя из сказанного, в представляемом исследовании традиции будут рассматриваться как конструкт, элементами которого выступают объекты, процессы и способы социокультурного наследования.

Актуальными для исследования стали методологии культурно-исторической монадологии (Н. Данилевский, К. Леонтьев, П. Сорокин, А. Тойнби, О. Шпенглер), акцентирующей внимание на символах и воспринимающей культуру как живой организм и целостное образование, и структурализма (Ж. Деррида, Р. Барт, Ж. Лакан, К. Леви-Строс, М. Фуко). Принципиальное значение имел и подход, разработанный Ф. де Соссюром, выделившим диахронный и синхронный уровни языка. Для данного исследования предложенная теория выступает одной из фундаментальных, поскольку диахронный ракурс рассмотрения позволяет выявить синхронизм культурных феноменов/явлений, а, с другой стороны, проследить процесс выстраивания их в определенную систему, составляющую социокультурное пространство эпохи.

Методология, предложенная постмодернизмом (П. Бурдье, Ж. Деррида, Ж. Делез, Ф. Гваттари, Ж.Ф. Лиотар, М. Фуко), актуальна для данного исследования в связи с формированием в его границах новой системой взглядов на социум, где центральным понятием выступает так называемый «лингвистический поворот», под которым подразумевается фиксация исторических фактов и их репрезентация посредством языка, т.е. корреляция языка и мышления.

Важным представлялся и синергетический подход, в котором актуализируется роль случайности и бифуркационных процессов (В. Буданов, М. Каган, С. Курдюмов, Ю. Лотман, И. Пригожин, С. Хоружий). Он вносит в историческую науку ряд конструктивных идей, среди которых и новая трактовка причинно-следственных отношений (в частности, феномен темпоральности), которые в контексте этой методологии носят вероятностный характер, и необратимость и поливариантность развития социокультурной системы, и наличие внутренних механизмов саморегуляции.

В рамках синергетической методологии существует несколько подходов, одним из которых выступает селективный детерминизм (В. Бранский, С. Пожарский), базирующийся на трех основных понятиях – тезаурус (совокупность возможных диссипативных структур, возникающих как результат бифуркационного процесса внутри наличествующей актуальной структуры), детектор (определенная внутриструктурная взаимосвязь элементов, которая инициирует выбор из тезауруса конкретного бифуркационного конструкта, трансформируя его из потенциального в действительный) и селектор. Любая самоорганизующаяся система всегда стремится к достижению максимальной устойчивости, что достигается либо путем упрощения структуры, либо ее усложнения. Эти процессы обусловлены характером взаимодействия системы с окружающей средой и взаимоотношениями внутри нее отдельных элементов, особенности которого и определяют принцип устойчивости (селектор). Именно данный принцип, т.е. селектор, детерминирует выбор детектором той бифуркационной структуры, которая обеспечит системе актуальную устойчивость.

Еще одним инструментом для исследования стала концепция фронтира (Дж. Тернер). Несмотря на существующую сегодня критическую оценку данного подхода, что связано с отсутствием и четкого определения термина «фронт», и системного анализа данного феномена, он содержит эвристический потенциал, поскольку в нем актуализацию получили про-

цессы социокультурного взаимодействия в пространстве границы (Г. Гусейнов, Г. Зиммель, О. Лавренова, Е. Шапинская) и формирование нового культурного поля.

Наряду с указанными методологиями интерес представляла и теория корреляции, разработка которой началась благодаря основателю сравнительной палеонтологии Ж. Кювье. Основой данной теории выступает положение о том, что ни одна из частей целого не способна трансформироваться без изменения других (хотя осмысление данной проблемы начинается еще в древнегреческой философии, ее превращение в научный подход происходит лишь в начале XIX в.). Эта идея содержится и в биосемиотическом подходе, сформировавшемся благодаря работам Я. фон Икскюля, для которого центральным понятием выступает «Umwelt», т.е. специфический окружающий мир, задающий вектор адаптационного процесса всякого биологического организма. Эвристический потенциал данного термина заключается, в частности, в том, что Umwelt возникает как результат отбора ценностно-значимых для организма элементов и включения их в его жизненное пространство. То есть окружающая действительность представляет собой не просто совокупность вещей/предметов, а рассматривается как сумма предпринятых действий. Эти подходы в совокупности с синергетической методологией актуальны при анализе сложных системных образований, к которым относится концептосфера национальной культуры и концепт.

Методы исследования.

В связи с многоаспектностью и междисциплинарностью проблематики использовалась группа различных методов: типологический, контекстуальный анализ, синхронный и диахронный методы, компаративный анализ, метод реконструкции, структурный анализ, методы формальной логики (в частности, логические операции с понятиями).

Научная новизна исследования определяется тем, что проведено комплексное исследование концептосферы русской культуры, впервые выявлена ее структура в рубежные историко-культурные периоды и прослежена трансформация смыслового пространства одного из ее системообразующих элементов – концепта «устремленность в будущее» – с опорой на культурологическую методологию, благодаря которому впервые:

1) концепт и концептосфера рассмотрены как саморазвивающиеся системы. Эвристичность данного подхода позволяет выявить взаимосвязь тех структурных элементов концепта/концептосферы, которая остается вне исследовательского поля при использовании классических методологий и методов. Кроме того, анализ концепта/концептосферы как саморазвивающейся системы дает возможность проследить его эволюцию, выделяя в данной системе моменты стабильности, которые и стали предметом рассмотрения. Проведенный сравнительный анализ позволил определить качество трансформации и/или преемственности и структурных элементов концепта/концептосферы;

2) для анализа концепта «будущее» предложен интегративный подход, позволяющий выявить его смысловые коннотации и контекстуальность, типы связей его структурных элементов. Системообразующими компонентами концепта «будущее» выступают концепты «время» и «история», варианты которых присутствуют в нем и в диахронном, и в синхронном срезе. Концептуализация времени представляет эволюционирование от первичного чувственного восприятия наблюдаемых изменений/перемен к абстрактному образу времени как наличествующей перцепции, объединяющей субъективное и объективное начало. Концепт «история» закрепляется в культуре Нового времени и обусловлен секуляризацией европейского сознания;

3) концепт «революция» рассматривается как структурный элемент и темпоральная характеристика концепта «будущее», благодаря чему устанавливается их когерентность. Кроме того, рассмотрение концепта «революция» в контексте темпоральных изменений позволило избежать его трактовки как статического. Систематизация подходов к определению концепта «революция» помогла выйти за границы диахронии «диахронность – синхронность», что позволило проанализировать и сопоставить определенные стороны длительности и трансформации его структурных элементов, и прийти к выводу о совмещении в нем компонентов, принадлежащих разным хронологическим периодам;

4) концептосфера русской культуры рассматривается в рамках культурологического подхода: она представлена как система концептов, зафиксированных в сознании общества и русского человека, как саморазвивающаяся система. Кроме того, концептосфера русской культуры анализируется через призму бинарности структуры последней, что позволило конституировать концептуально-смысловое пространство данной культуры, выявить трансконцептуальные связи;

5) систематизировано представление о времени и историческом процессе, сформированное в древнерусском обществе; выявляются историко-культурные периоды, на которые приходится смена моделей восприятия времени/истории, и условия, приведшие к их трансформации. Кроме того, впервые рассматривается функциональный потенциал концепта «устремленность в будущее» в условиях раскола русского общества XVII в.

6) выстраивается смысловое пространство концепта «устремленность в будущее» в контексте русской культуры Нового времени, рассматривается корреляция его структурных элементов (история, император, недоросль, государство, власть) и комплекса идей (идея развития, идея всеобщего блага, идея служения государству), прослеживаются этапы семантической трансформации концепта «Русь», который в культуре XVII–XVIII вв. продуцирует коннотации, образующие следующую смысловую цепочку: Русь → Россия → Великая Россия → Отечество, государство. Данный процесс детерминирован новой трактовкой концепта «устремленность в будущее», возникновение которой происходило в контексте новой политической модели;

7) реконструируется концептосфера русской культуры рубежа XIX–XX вв. (Россия, история, народ, интеллигенция, партия, интеллигенция, граница, раскол и пр.), смысловое пространство которой свидетельствует о парадигмальном кризисе, сдвоенном кризисе ценностей, переживаемом русским обществом. Наличествующие концепты указывают на возникшее социокультурное напряжение, вызванное, с одной стороны, невозможностью воспроизведения существовавшей системы ценностей, в силу потери ею своей актуальности, с другой – неустойчивостью новой, не обладающей интеграционным механизмом. Последнее обстоятельно связано с процессом активной дифференциации русского общества, формированием полигруппового пространства, каждая из страт которого вынуждена пребывать в пограничном положении, отстаивая право на суверенитет, в том числе и в построении модели будущего.

8) утопия как социокультурный феномен рассматривается в качестве структурного элемента концепта «устремленность в будущее». Способы и формы воплощения утопии детерминированы лежащим в ее основе социокультурным идеалом, выступающим критерием оценки при сопоставлении представлений о лучшем устройстве с наличествующей действительностью и соотнесении действий в процессе воплощения проекта. В контексте доктрины «Москва – третий Рим» выявляются смысловые конструкты, задававшие вектор исторического развития древнерусскому обществу (Русь как «последнее царство», «новое царство», «царство Правды», «Святая Русь» и пр.), и дихотомии (старое – новое, Правда – Кривда), между полюсами которых возникало конструктивное напряжение, способствовавшее более четкой артикуляции представлений о месте и роли Руси, ее будущем.

9) проведен анализ утопических моделей начала XX в., направленный на выявление тождественных/схожих в них концептов и идей (концепты «Правда – Кривда» и коррелирующие с ними «Добро – Зло», «Счастье – Несчастье», «община», отношение к традиции, идея сорбонности, идея преображения, мессианизм); приводится характеристика специфического для русской культуры начала XX в. типа утопии – утопии, связанной с хилиастической традицией, основанной на народных представлениях идеала Правды. Впервые концепты «партия», «община», «традиция», «Правда», «Счастье» рассматриваются как смысловые опоры утопических моделей, а когерентность данных концептов обеспечивается контекстом конкретной утопической теории, где их взаимоотношения можно представить как динамическую систему.

10) бытование концепта «Октябрьская революция» рассматривается не только в контек-

сте советской культуры/метрополии, но и диаспоры, поскольку социокультурное пространство России в 1920–1930-е гг. распадается. Данное обстоятельство позволяет выявить логику мышления советского общества и Русского Зарубежья, реконструировать оба смысловых пространства. Если в диаспоре основной тенденцией выступает восприятие революции как трагедии и катастрофы, то в СССР на официальном уровне она оценивается через призму национальной гордости. То есть в пространстве русской культуры вновь наличествует дихотомия, в данном случае – «миф основания – миф конца/эсхатологический», полюса которой задавали вектор исторического развития социокультурных процессов метрополии и диаспоры соответственно. Именно эти модели выступали основой для формирования коллективной идентичности эмигрантской среды и советского общества и их представлений о будущем. Русское Зарубежье находилось на позиции консервации традиционного и почвенного, т.е. ориентировалось на прошлое. Советская Россия, придав науке/урбанистике особый статус как инструменту по преобразованию действительности, была устремлена в будущее. Таким образом, инверсионная логика, возникновение которой относится еще к дохристианскому периоду, не была преодолена и по-прежнему детерминировала динамику развития русского общества.

Теоретическая значимость исследования. В диссертации впервые представлен культурологический подход к анализу концептосферы русской культуры, выявлены ее структурные элементы, прослежены их взаимодействие и трансформация смыслового пространства в исторической динамике. В ходе исследования, при опоре на интегративный подход, были определены и верифицированы так же константные концепты русской культуры (Русь, дом, граница, рубеж, путь, интеллигенция, Отечество, мессианизм, утопия), среди которых концепт «устремленность в будущее» выступает одним из смыслообразующих.

Полученные результаты расширяют культурологическое знание, исследование углубляет понимание и интерпретацию социокультурного контекста конкретного историко-культурного периода, вносит вклад в осмысление механизма его реконструкции посредством раскодировки актуальных концептов. Кроме того, предложенный подход к анализу исторической динамики русской культуры через призму ее концептосферы дает возможность проследить присущие ей трансформационные процессы в диахронии/синхронии и позволяет сделать вывод о ее целостности.

Полученные в ходе исследования результаты и сделанные на их основе выводы могут стать основой для новых работ, где предметом анализа выступят другие структурные элементы концептосферы русской культуры, динамика смыслового пространства константных концептов, в том числе и современной России.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных данных и результатов:

- для выявления тенденций в динамике развития современной России как части мировой цивилизации, находящейся в пространстве глобализационных процессов;
- как методологического и концептуального основания при социокультурном проектировании, при подготовке стратегий развития культурной политики России, как на государственном уровне, так и локальном, учитывая исторические факторы развития общества и наличествующие ментальные особенности;
- в научно-исследовательской деятельности и при разработке учебных и элективных программ, дисциплин и спецкурсов, предназначенных, как для обучающихся по программе бакалавриата, магистратуры, аспирантуры (гуманитарные направления), так и на курсах повышения квалификации (например, для учителей гуманитарного цикла).

Обоснованность и достоверность результатов диссертационного исследования обеспечиваются концептуально новым подходом к поставленной проблеме и комплексом методологий и коррелирующих с ним методов при её изучении. Гипотеза, сформулированная в начале исследования, верифицируется в рамках различных культурологических и культуро-философских концепций, а полученные в ходе анализа результаты сверяются, что дает возможность в конце диссертационной работы сделать вывод о ее доказанности. В исследова-

нии представлен обоснованный концептуальный аппарат, анализ проводится с опорой на многочисленные работы по теории, философии и истории культуры, рассматривающие обширный спектр проблем. Полученные результаты прошли апробацию в ходе научной и научно-образовательной деятельности автора диссертационного исследования.

Соответствие паспорту научной специальности. Диссертационная работа, посвященная анализу концептосферы русской культуры и выявлению ее констант (в частности, концепта «устремленность в будущее»), соответствует п. 1.1. «Понятие культуры», п. 1.2. «Теоретические концепции культуры», п. 1.3. «Исторические аспекты теории культуры, мировоззренческие и ментальные аспекты теории культуры», п. 1.4. «История культурологических взглядов и понятий, представлений о сущности культуры», п. 1.5. «Морфология и типология культуры, ее функции», п. 1.6. «Культура и цивилизация в их историческом развитии», п. 1.7. «Культура и религия», п. 1.9. «Историческая преемственность в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов», п. 1.10. «Принципы периодизации и основные периоды в историческом развитии культуры», п. 1.12. «Механизмы взаимодействия ценностей и норм в культуре», п. 1.13. «Факторы культурного развития», п. 1.18 «Культура и общество», п. 1.19 «Культура и этнос», п. 1.25. «Язык как феномен культуры, как проявление национального своеобразия и фактор межкультурного общения», п. 1.27. «Прогностические функции культуры», п. 1.28. «Культурные контакты и взаимодействие культур народов мира», п. 1.30. «Художественная культура как целостное образование, ее строение и социальные функции», п. 1.32. «Система распространения культурных ценностей и приобщения населения к культуре».

Положения, выносимые на защиту.

1. В современном гуманитарном дискурсе концепт выступает фундаментальной категорией мышления, в котором сфокусированы личный социокультурный опыт индивида, его ассоциации и мировоззрение. Выявлена двойственная природа его бытования: с одной стороны, укорененность в собственное основание, а с другой, – коррелирование с иным концептом/фрагментом концепта, задающим ему новый смысловой вектор. Несмотря на кажущуюся дискретность концепта, его фрагменты не наделены акцидентальным характером. Его целостность определяется содержанием, однако принцип организации целостности не равнозначен самой организации, где он выступает конституирующими началом, то есть продуцируемая целостность конкретного концепта невозможна в условиях иного контекста.

2. Концептуализация будущего в истории европейской цивилизации происходила на основе нескольких моделей времени, сформировавшихся в различные историко-культурные периоды (линейная, циклическая и пр.). Теоретическое осмысление данного концепта строилось на основе интегративного подхода, что позволило расширить проблемное поле и проследить диахронный и синхронный уровень концепта «будущее» как детерминированное культурой когерентное целое. Анализ специфики концептуализации стал возможен в результате рассмотрения процесса эволюционирования смысловых коннотаций структурных элементов концепта «будущее» – концептов «время» и «история». Данные концепты рассматривались как ментальные конструкты, модальность которых детерминирована историко-культурным контекстом; в конце XVIII в. происходит выделение структурных элементов «прошлое», «настоящее», «будущее», где прошлое выступает как социокультурная конструкция, поскольку его оценка всегда связана с реконструкцией и определенным фокусом видения, а будущее наделено проективностью.

3. Концепт «революция» полисемантичен: во-первых, является неотъемлемым элементом современного социокультурного пространства, выступает инструментом для построения/реализации модели будущего. Во-вторых, его трактуют и как результат деятельности субъекта истории, и как политическое шаблонное выражение, и как инструмент научного анализа. В-третьих, его смысловое содержание коррелирует с темпоральными схемами, присущими конкретному историко-культурному периоду. Таким образом, именно историко-культурный контекст акцентирует тот или иной его аспект, постепенно расширяя его проблемно-смысловое поле, выступающее основой для построения новой модели мироустрой-

ства, и в данном случае концепт «революция» превращается в структурный элемент концепта «будущее».

4. Смыслоное пространство концептосферы русской культуры коррелирует с бинарным типом структуры последней, сформировавшимся под воздействием инверсионной логики, характерной чертой которой выступает генерирование дуальных оппозиций. В связи с этим каждый из концептов, входящих в концептосферу русской культуры, продуцирует пространство, состоящее из дихотомий. Когерентность одного из доминантных концептов «Русь/Россия» с концептом «граница» рождает дуальности «свой – чужой», «добро/Правда – зло/Кривда», которые определяют вектор деятельности человека в репродуцировании заложенного в контексте данного социокультурного пространства идеала, совпадающего с одной из оппозиций актуальной на данный момент дихотомии.

5. Формирование представлений о времени и пространстве в древнерусской дохристианской культуре протекало традиционно для архаических обществ, где константной дуальной парой выступала оппозиция «сакральное – профанное», а основной моделью восприятия времени была циклическая, в которой отсутствовало четкое разграничение прошлого и будущего. Христианизация Руси приводит к переходу на линейную систему трактовки времени, а так же трансплантации не только религиозных догматов, но и новой системы взглядов на исторический процесс как онтологически трактуемое восхождение мира к Богу. Под влиянием секуляризации сознания в XVII в. происходит трансформация моделей восприятия времени и пространства, что продуцирует формирование представлений о будущем в соответствии с новоевропейской традицией и отделению истории от историософии. Конструирование будущего как модели, ориентированной на прошлое (традиционисты) или будущее (новаторы), приводит к расколу, который выступает одной из основ динамики развития русского общества.

6. Русская культура рубежа XVII–XVIII вв. переживала кризис, связанный с переходом от Средневековья к Новому времени и сопровождавшийся сменой ценностно-смысловой системы. В социокультурном пространстве России начала XVIII в. обозначилась тенденция на актуализацию концепта «идеология» в политическом дискурсе, что инициировало перестройку структурных элементов национальной концептосферы и привело к возникновению новых концептов (империя, история, Петр, Петербург, служба). При Петре I происходит сакрализация национального прошлого и истории, а концептуализация будущего осуществляется через бинарные оппозиции.

7. Русская культура рубежа XIX–XX вв. находилась в состоянии переходности, которое продуцирует не два статичных состояния – «было–стало», но еще и третье, неопределенное. В связи с этим концептосфера русской культуры рубежа XIX–XX вв. аккумулировала ядерные концепты предыдущего периода и новые концепты, сформировавшиеся в культурлексиконе русского общества в XIX–XX вв. (интеллигенция, Отечество, народ/народность, история). В 1860–1870-е гг. произошел раскол ценностно-смысловой системы русского общества, что инициировало формирование нескольких моделей дальнейшего развития, нескольких моделей будущего. Можно говорить о единовременном возникновении в этот период конкурирующих стремлений в проектировании будущего. Одни течения предлагали различные формы сохранения традиционных, почвенных ценностей, другие стремились к кардинальной перестройке всего социокультурного пространства, ориентируясь на западноевропейские образцы. Однако, несмотря на разность моделей будущего, их целью выступало кардинальное преобразование действительности/бытия, воссоздающего целостность общества.

8. Доктрина «Москва – третий Рим» синтезировала эсхатологические установки той эпохи, осознание предшествовавших событий через призму присущих мировоззрению средневекового общества провиденциализма и сакральности, основные положения государственной идеологии. Смыслоное пространство концепта «Москва – третий Рим» продуцирует дихотомии (старое – новое, Русь – Византия, старая Русь – новая Русь, небесное – земное), конструктивное напряжение которых запускает процесс формирования особого восприятия и осмыслиения действительности в контексте хилиастических представлений. Она выступает

одним из элементов процесса целеполагания в деятельности русского общества, результатом которого становится преобразование действительности. Причиной трансформации концепции Филофея в идеологему во время правления Ивана Грозного следует считать метаморфозу идеологической системы, характеризующуюся приобретением ее идеями и ценностями противоположного смысла. В трансформированной идеологической системе основными элементами выступают «квазипредметные структуры», не отражающие существующие явления/процессы, фиксирующие лишь их внешние характеристики.

9. Социокультурное пространство России начала XX в. продуцирует многочисленные утопические модели разного толка (от консервативных до радикалистских). Несмотря на разницу предлагаемых ими путей преобразования действительности, можно констатировать оперирование одинаковыми концептами (правда – кривда и коррелирующих с ними добро – зло, счастье – несчастье) и идеями (идея соборности, идея преображения, идея мессианизма), что свидетельствует о почвенности данных утопий. Коннотации данных дихотомий указывают на стремление к этизации при построении утопических моделей. Одним из специфических типов утопий начала XX в. следует считать утопические модели, связанные с хилиастической традиций, ориентированные на идеал Правды, что вновь указывает на актуализацию в этот период коллективно-бессознательных представлений и их вторжение в верхние слои культуры. Идеал царства Правды (как стремления его воссоздать/создать) смыкается с представлением о Счастье (как стремления его достичь), что приводит к трактовке последнего и как пространственной, а не только временной, категории.

10. Октябрьская революция предстает как типичное для данного вида динамического развития явление. Включение в ее название прилагательного «Октябрьская» указывает на стремление политической элиты выделить ее из этого общего ряда революций и подчеркнуть ее уникальность. Концептуализация Октябрьской революции как События запускает механизм осмысливания случившегося и инициирует поиск путей для доказательства ее легитимности, что и обеспечивает структурирование наличествующего социокультурного и политического пространства. Конструируемое советское пространство тотально, его главной категорией выступал размер с доминированием к преувеличению. Данное обстоятельство продуцирует расширение зоны воздействия большевиков с последующим выдавливанием «бывших/несогласных» сначала на периферию социокультурного пространства, а затем и за пределы страны, запуская механизм формирования в границах русской культуры двух субкультур – метрополии/советская культура и диаспоры/Русское Зарубежье, ценностно-смысловые основания которых противоположны. С одной стороны, наличие данного противоположения инициировало актуализацию дихотомии «свой – чужой», что привело к активной полемике субкультур и ускорило фундирование основных позиций обеих сторон. С другой стороны, образование разно идеологически ориентированных групп приводит к возникновению нескольких корпусов текстов, предназначенных для разных аудиторий. Наличие этого факта свидетельствует о том, что расколотость русского общества и в послереволюционный период не была преодолена. Таким образом, смысловое поле концепта «Октябрьская революция» выступает как супретекст, для которого характерно нерасчлененность вещественного и знаково-символического. Структурными компонентами текста являлись, в том числе, и граждане СССР как его интерпретаторы, жизнь которых часто зависела от предписанной интерпретации.

Апробация результатов и выводов исследования. Основные положения и результаты исследования:

1. Опубликованы в 3 монографиях (две из них коллективные), учебных пособиях (одно из которых – «История русской культуры» – имеет гриф МО РФ) и 35 статьях (16 из них в профильных рецензируемых журналах, входящих в перечень рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ для публикации результатов диссертационных исследований) (общий объем – 100, 45 п.л.).

2. Представлены в докладах на международных конференциях: «Сохранение и приумножение культурного наследия в условиях глобализации» (МГИК, Москва, 2002); «Этнокуль-

турное разнообразие и проблема взаимодействия культур» (МГУКИ, Москва, 2004); «“Семиосфера” Ю.М. Лотмана: рецепции в современном социально-гуманитарном знании» (МГУКИ, Москва, 2013); XXVII-е Алпатовские чтения: «Творческое, научное и педагогическое наследие В.В. Кандинского (к 150-летию художника)» (РАХ, НИИ теории и истории изобразительного искусства РАХ, Москва, 2016); «Феномен мастерства как проблема философии и культуры Серебряного века» (Дрогобицкий федеральный педагогический университет им. И. Франко, Дрогобич, Украина, 2017); XXVIII-е Алпатовские чтения «История искусства в России – XX век: интенции, контексты, школы» (РАХ, НИИ теории и истории изобразительного искусства РАХ, Москва, 2017); Первые Толстовские чтения (РАХ, НИИ теории и истории изобразительного искусства РАХ, Москва, 2017); «Духовная культура и современное образование» (МГЛУ, Москва, 2018); IX международная научно-практическая конференция «Кубанские исторические чтения» (Краснодарский центр научно-технической информации (ЦНТИ), Краснодар, 2018); IV Международная научная конференция «География искусства» (РАХ, ИНИОН РАН, РГГУ, ГИТР, Москва, 2018); XX Международная конференция «Россия и Запад: диалог культур» (МГУ, Центр по изучению взаимодействия культур, Москва, 2018); II Международная научная конференция «Миф: история, политика, культура» (Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2018); Первый российский эстетический конгресс (Санкт-Петербургский государственный университет, 2018, в соавторстве с Е.В. Махович); «Экстремизм и толерантность в дискурсе межкультурной коммуникации» (МГППУ, Москва, 2018); XIII-я Международная научно-практическая конференция «Социально-психологические проблемы ментальности / менталитета» (Психологический институт РАО, Смоленский государственный университет, Смоленск, 2018); XXIX-е Алпатовские чтения: Садово-парковое искусство Востока и Запада: диалог и формы идентичности (РАХ, НИИ теории и истории изобразительного искусства РАХ, Москва, 2018, в соавторстве с Е.В. Махович), «Диалог культур и цивилизаций» (МГЛУ, Москва, 2019, в соавторстве с Е.В. Махович), V Международная научная конференция «География искусства» (РАХ, ИНИОН РАН, РГГУ, ГИТР, Москва, 2019, в соавторстве с Е.В. Махович); XIX-е Лихачевские чтения (Государственный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, 2019); XXI Международная конференция «Россия и Запад: диалог культур» (МГУ, Центр по изучению взаимодействия культур, Москва, 2019); «Наука о культуре: современное состояние и перспективы развития» (МГИК, Москва, 2019).

3. Были внедрены в учебный процесс кафедры культурологии Московского государственного института культуры и положены в основу лекционных спецкурсов, разработанных и читаемых автором (в частности, «Советская культура», «Культура Серебряного века», «История русской культуры»).

Диссертационное исследование было обсуждено и рекомендовано к защите на кафедре культурологии Московского государственного института культуры (протокол № от 23 мая 2019 г.).

Структура работы включает введение, три главы (первая и третья из которых содержит по три параграфа, вторая – четыре), заключение и список литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень ее изученности, обозначены объект и предмет, цели и задачи диссертационной работы, а также ее методологические основания и методы исследования, сформулирована гипотеза, представлены научная новизна и положения, выносимые на защиту, а также теоретическая и научно-практическая значимость работы, ее соответствие паспорту научных специальностей, приводятся сведения об апробации результатов исследования, указана структура работы.

В первой главе **«Трансформация представлений о будущем в западноевропейской культуре»** анализируются концепции, ставшие теоретико-методологическим основанием в осмыслиении рассматриваемых в диссертационной работе феноменов и явлений (концепт, время, история, будущее), выявляется смысловое пространство последних.

В параграфе **1.1. «Термины «концепт» и «концептосфера» в современном гуманитарном дискурсе»** рассматриваются основные подходы к определению терминов «концепт» и «концептосфера» в гуманитарных науках (в частности, лингвокультурологии, философии, культурологии, культурной семантике) и определяются критерии актуальных типологий концептов.

Многие дисциплины сегодня активно используют термин «концепт», выступающий как один из главных элементов построения той или иной научной модели. В диссертационном исследовании отмечается, что механизм концептуализации является одним из главных вопросов интеллектуальной истории, поскольку актуальность адекватного перевода и интерпретации научных текстов, как современных авторов, так и исследователей предшествующего периода, сохраняется, а анализ концепта как культурфилософской категории в гуманитарном дискурсе всегда связан с системой вербальных и невербальных языков, с менталитетом, а шире, – с культурой как системой.

Слово «концепт» активно используется с 1960-х гг. в лингвокультурологии и когнитивной лингвистике (А. Вежбицкая, С. Воркачев, В. Демьянков, А. Залевская, В. Карасик, Е. Кубрякова, С. Ляпин, С. Неретина, В. Нерознак), где сначала оно выступало синонимом термина «понятие», но уже к 1980–1990-м гг. произошло их размежевание. Подчеркивается, что использование выводов этих наук позволяет «выстроить разнонаправленные векторы в изучении индивида: концепт в границах лингвокогнитивного метода задает движение от индивидуального сознания к культуре в целом, а лингвокультурный подход обеспечивает импульс в обратную сторону, от культуры к сознанию индивида»¹.

Автор указывает на эвристический потенциал идеи лингвистов о том, что в языке смысловое пространство концепта не может быть отражен полностью, поскольку его формирование коррелирует со множеством факторов, начиная от механизма его возникновения в результате индивидуального познания (это подчеркивал и Д.С. Лихачев) до многосоставной структуры, которая не всегда поддается анализу. Однако концепт через язык проецирует свою национальную принадлежность. То есть исследование концепта позволяет не только определить систему координат, характерную для конкретного историко-культурного периода и этноса, но и выявить особенности механизма освоения мира данным сообществом.

Далее прослеживается этимология термина «концепт», выявляются его трактовки в европейских языках, включая русский, и в различных гуманитарных дисциплинах (С. Аскольдов, Л. Выготский, Ф. Гваттари, Ж. Делёз, Д. Лихачев, С. Неретина, А. Огурцов, Ю. Степанов, А. Ричардс, А. Ухтомский, М. Bal, Ch. Peacocke). В русской научной и художественной литературе термин «концепт» не использовался вплоть до конца XX века, выступая синонимом «понятия». Одним из первых исключений следует считать работу Г.Г. Шпета «Эстетические фрагменты» (1924), где концепт трактуется автором как статическая конструкция и противопоставляется динамичному образу. Первой попыткой проанализировать специфику концепта

¹ Синявина Н.В., Махович Е.В. Концепт как культурфилософская категория // Педагогика искусства, 2018. № 4. <http://www.art-education.ru/electronic-journal>

как феномена и вычленить его структуру следует считать статью С.А. Аскольдова «Концепт и слово» (1928), в которой автор указывает, что к специфическим особенностям концепта относится его имплицитный характер и познавательная функция.

Из современных российских философов к специфике концепта обращались В.Н. Сагатовский и А.Н. Книгин. Сагатовского интересовало соотношение чувственного восприятия и познания, он вводит понятие «представление как форма познания». Его концепция строится на теории о том, что действительность отражается в сознании в различных формообразах чувственного знания, одним из видов которых выступают общие представления, трактуемые как чувственные модели разнообразных типов вещей. В теории Книгина основным понятием выступает «идея», трактовка которой коррелирует с культурфилософским пониманием концепта. Книгин заимствовал у Э. Гуссерля понятие «ретенция» («первичная память»), у которого она воспринимается, как способность сознания сохранять то или иное восприятие/содержание. Интерес для исследования представляла и тезаурусная концепция Вал. А. и Вл. А. Луковых, в основе которой лежат понятия «тезаурус», «тезаурусная сфера», «субъективная культурология». С их точки зрения формирование системы знаний – тезауруса – индивидом обусловлено усвоением им определенного объема знаний, который необходим для выстраивания коммуникации и адекватной ориентации в актуальной среде. Для этого индивиду достаточно знать не весь накопленный человечеством массив научной/узуальной информации о мире, а только ту его часть, которая поможет осознавать существующую реальность.

Анализ различных подходов к трактовке термина «концепт» позволил представить различные типологии концептов, исходя из выбранного ракурса рассмотрения:

а) *когнитивный фактор*: индивидуальные → авторские → интерпретаторские → коллективные;

б) *социальный фактор*: макрогрупповые (по гендерному, возрастному, образовательному и пр. признаку) – микрогрупповые (субкультура, семья);

в) *ценностный фактор* (в частности, по уровню коммуникации: индивидуальные → микроргрупповые (семья, друзья) → макроргрупповые (по классовому, сословному, профессиональному и пр. признаку) → этнические → общечеловеческие);

г) *цивилизационный фактор*:

- уровень технической оснащенности/способ производства (концепты доиндустриальной, индустриальной постиндустриальной цивилизации и т.д.);

- конфессиональный признак (концепты христианской, исламской цивилизации).

В параграфе подчеркивается корреляция концепта и ценности, поскольку именно ценность следует рассматривать как ядро концепта, вокруг которого выстраивается актуальное для данного концепта пространство. Концепт/концептосферу следует рассматривать как один из инструментов ориентации индивида в окружающей действительности.

Под национальной концептосферой следует понимать прежде всего совокупность концептов, закрепленных в сознании народа и прошедших процессы стандартизации и категоризации (на уровне социальной группы данные концепты не подвергаются столь жесткой процедуре).

В заключение автор отмечает, что большая часть исследователей рассматривает концепт как фундаментальную категорию мышления, метакатегорию, в которой сфокусированы личный социокультурный опыт, ассоциации, мировоззрение. В представляемом диссертационном исследовании концепт трактуется как продукт мышления человека, но с другой стороны, именно культура запускает его детерминацию, а процесс определяния осуществляется через образ/слово (хотя существуют концепты, не получившие вербализации).

В параграфе 1.2. «*Концептуализация представлений о «будущем» в европейской традиции (древний мир – эпоха Просвещения)*» рассматриваются основные структурные элементы концепта «будущее» - «время» и «история», прослеживается трансформация их смысловых коннотаций на диахронно-синхронном уровне и представлен анализ различных под-

ходов к определению понятий «время» и «история» от древнейшего времени до эпохи Пропаганды.

Моделирование концептуального поля «будущее» возможно лишь при рассмотрении детерминирующих его структуру элементов – «время» и «история». Одна из специфических черт времени как категории заключается в невозможности его восприятия органами чувств, но представление о нем конституируется системой координат, присущих данному историко-культурному периоду.

В ходе анализа различных моделей времени, присущих разным историко-культурным периодам, было установлено, что для древних греков представления о времени, об универсуме были детерминированы идеей порядка, космоса, трактовка которого в эпоху античности коррелирует с понятиями «стройность» и «законообразность». В эпоху средневековья под влиянием христианской философии продуцируется представление о всемирном порядке, основой и источником которого выступает Абсолют, Бог, в подчинении у которого находятся космос, время, человек. Порядок есть процесс упорядочивания, т.е. расчленения и отделения одного от другого, что и представлено уже в Ветхом Завете, где Бог отделяет свет от тьмы, воду над и под твердью и т.д.

Христианская традиция сформировала линейное восприятие исторического процесса, основой которого является движение от грехопадения к искуплению. Однако до тех пор, пока в сознании европейцев были актуализированы эсхатологическая теория и финализм христианства, будущее оказывалось вне исторического процесса и ретроспективно коррелировало с прошлым.

История в европейском пространстве постепенно становилась предметом рефлексии и частью научного дискурса, но в общественном сознании вплоть до 1770-х гг. бытуют космогонические представления, хотя и редуцированные до отдельных мифов.

В заключение отмечается, что время есть специфическая категория в структурировании мира, обусловленная антропологически, поскольку первые попытки осознания времени как рефлексии процессов движения и изменения, относящиеся еще к периоду палеолита, и означали переход от природного, естественного состояния к собственно культуре. Концептуализация времени начинается в древнем мире. В этот же период устанавливается корреляция между временем и историей, хотя начальный этап концептуализации последней приходится на более позднее время. Качественные изменения в трактовке истории происходят в контексте христианской традиции, когда история освобождается от частного прошлого и закладывается тенденция на обретение общехристианской истории. То есть в данном случае речь идет об истории, конец которой известен, однако ее исход во много зависит от поступков человека, а, следовательно, история для него превращается в акт творения. Таким образом, начальный этап концептуализации понятия «будущее» приходится на конец XVIII в., когда под влиянием секуляризации происходит трансформация смысла концепта «история». История с этого момента приобретает ориентацию на социо-политическое прогнозирование/проектирование, которая и детерминирует концепт «устремленность в будущее».

Параграф 1.3. «Когерентность концептов «революция» и «будущее»: темпоральный анализ» посвящен анализу основных подходов к определению термина «революция» и рассмотрению корреляции революции как События с современным пониманием истории, ее ориентацией на моделирование стратегий, определяющих специфику построения будущего.

В современном научном дискурсе существует немало определений термина «революция», однако до сих пор не разработана общая теория революции, в контексте которой можно было бы рассматривать сущность данного феномена. Этимология данного слова восходит к лат. *«volution»* (виток, вращение, приставка *«ге-»* выражает «возврат, восстановление»), а его введение связано с Полибием. Вплоть до XVIII в. оно использовалось для отражения цикличности как в астрономии, так и для характеристики социально-политических процессов в Европе. Впервые слово «революция» с коннотацией «необратимый процесс», было употреблено герцогом Ф.-А.-Ф. Ларошфуко-Лианкура в беседе с Людовиком XVI накануне взятия Бастилии. В этот момент еще нельзя говорить о приобретении словом «революция»

современной семантики, но примечательным видится смысловой перенос с фиксации циклического движения на невозможность преодоления случившегося.

Для европейского общества конца XVIII в. актуальным становится не просто фиксация и рефлексия происходящих изменений, поскольку изменение не всегда тождественно событию, а именно возможность стать участником события, стать творцом истории. Таким образом, событие, а также связанные с ним представления о причинности и целеполагании, становятся центральными проблемами исследования. В современном научном дискурсе они осмысляются как динамические структуры, для анализа которых применяется синергетическая методология (К. Левин, А. Назаретян, И. Пригожин, Ю. Степанов, В. Степин). В ее контексте «причина» наделяется релятивизационным характером. В связи с этим делается вывод о смене статистического подхода при осмыслении исторического процесса, присущего научному знанию Нового времени, динамическим и о доминировании концепта «событие», а также наделение событийным статусом и революции.

Характеристиками события/революции выступают:

1) «реверс времени» как конструирование события постфактум, что позволяет включить в него процессы и явления, чье формирование началось еще до события и детерминировалось до-событийной логикой;

2) «конструирование нового субъекта», сформировавшегося в результате своей деятельности по созданию нового;

3) «двойное самоотрицание» как отрицание своих истинных истоков, поскольку часть из них является продуктом «старого» времени (это обстоятельство и вызывает неприятие прошлого, отрицание которого становится абсолютным);

4) «зависимость от будущего», поскольку событие выступает не только фактом настоящего, но и остается в истории, то отношение к нему будущих поколений зависит и от его следствий и развития их во времени, и от историко-культурного контекста, в который данное событие помещается.

Указываются и такие специфические характеристики революции как непредсказуемость и имманентность, прослеживается механизм ее перерождения в контрреволюцию и корреляция с понятием «свобода».

Рассмотрев семантическую трансформацию слова «революция», проследив ретроспективно процесс его концептуализации с выделением присущих концепту характеристик, была проанализирована темпоральность революции¹. Для получения адекватных результатов исследования концепт «революция» был рассмотрен как один из главных смысловых и структурных компонентов темпоральной системы концепта «будущее».

Если рассматривать концепт «будущее» как динамическую систему, то концепт «революция» как один из его элементов выступает границей, или расщепленным событием, которое, с одной стороны, фиксирует дискретность времени/истории, переход от старого к новому. С другой, задает вектор развития, предлагая определенный набор возможных вариантов. Отмечается, что концепт «революция» так же представляет динамическую систему, в которой присутствуют элементы-события, или переходы (разрозненные, на первый взгляд, события, главная функция которых показать недовольство существующим положением).

В заключение отмечается, что для выявления содержания концепта «революция» необходимо было установить корреляцию темпоральных характеристик с антропологической структурой и соотнесенным с ней практисом, поскольку именно они и выступают основой для продуцирования нового смысла. Концепт «революция» следует рассматривать как один из наиболее темпоральных в социокультурном пространстве XIX – начала XX в.

Во второй главе «Трансформация смыслового пространства концепта «устремленность в будущее» как структурного элемента концептосферы русской культуры» выяв-

¹ Под темпоральностью понимается свойство, присущее сознанию и определяющее взаимосвязь временных моментов, т.е. индивидуальное переживание времени, которое зависит от психологического состояния человека (хотя было бы ошибкой считать их тождественными).

ляются константные компоненты концептосферы русской культуры и рассматриваются этапы концептуализации представлений о будущем в русском обществе.

В параграфе 2.1. «*Корреляция концептосферы и бинарной структуры русской культуры*» раскрывается семантическое и смысловое значение термина «концептосфера национальной культуры» и выявляются дуальные оппозиции, образующие смысловое пространство концептов национальной концептосферы.

Структура русской культуры относится к бинарному типу. Для нее характерно перманентное столкновение противоположностей, что продуцирует маятниковый процесс, в рамках которого происходит смена картины мира с пересмотром всей ценностно-смысловой системы. Контекст бинарности исключает признание равнозначности одним полюсом другого, поэтому ни конвергенция, ни контаминация в данной системе не представляется возможной, а активизация попыток уничтожения одной из противоположностей приводит к бурному развитию другой. Бинарность структуры русской культуры, продуцируя дуальные оппозиции, детерминирует, таким образом, и концептосферу.

Смысловое пространство русской культуры во многом определяет концепт «Русь», трансформация семантики которого коррелировала со становлением русской государственности («русь» в контексте этнографическом (как название племени), социальном (как сословие), географическом (как территория), политическом (как государство)). Анализируя смысловое поле концепта «Русь» автор останавливается на выявлении особенностей физического и социального пространства. Их границы могут не совпадать, хотя модус социального пространства стремится к наиболее полному совпадению с физическим. Однако физическое пространство осмысливается только через призму социокультурного. Именно освоение территории, ее «окультуривание» позволяет впоследствии воспринимать ее как собственность, как Дом.

Далее анализируется коррелирующий с концептуальным пространством «Русь» концепт «граница», аккумулирующий в контексте русской культуры множество смыслов, в том числе и дихотомию «свой – чужой». Она продуцирует ряд смысловых цепочек, критерием для выделения которых служат различные основания (религиозный фактор, племенная принадлежность/национальность, родственные отношения, социальные страты и пр.). Таким образом, оппозиция «свой – чужой» выступает универсальной дуальностью культуры, специфичность бытования которой детерминирует национально-культурный контекст.

В рамках русской культуры ее существование конституировано фронтиром, трактуемым как место взаимодействия пограничных культур, как пространство, благодаря которому формируются новые социокультурные отношения, и дихотомией «добрь – зло». Одно из главных обстоятельств, определивших особенности русской культуры, связано с ее фронтальным положением между Востоком и Западом, которые представляют совершенно разные социокультурные парадигмы.

В научном дискурсе в качестве синонима концепта «граница» используется и слово «рубеж». Иногда его употребляют для уточнения хронологических или пространственных рамок (в частности, «на рубеже веков», «за рубежом»). В русской истории рубежными оказываются переходы X–XI вв., XVII–XVIII вв., XIX–XX вв. и XX–XXI вв., переживаемые русским обществом как кризисные. Их динамическое развитие определялось оппозицией «старое–новое», что конституировало пространство альтернативного выбора будущей модели социально–политического устройства в контексте сложившейся социокультурной традиции. Можно говорить и о синонимичности понятий «рубеж» и «фронт», последнему из которых также присуще соприкосновение и корреляция смежно существующих феноменов. Другими словами, «рубеж» следует рассматривать как локус, где происходит пространственная или времененная встреча различных культурных традиций. Осмысление рубежа как смысловой категории восходит еще к догосударственному периоду, когда человек начинал осознавать изначальную дискретность мира. К характеристикам рубежа следует отнести переходность, неотчетливость/отчетливость, пограничность, условность/конкретность.

Концепт «граница» актуализирует и категорию «хронотоп», введенную в научный оборот А.А. Ухтомским, трактующему ее как первичный структурный элемент при анализе нервно-психической процессов живого организма (позже к этому понятию обращается и М.М. Бахтин). Благодаря этому понятию пространство и время образуют континуум.

Смыслоное пространство концепта «граница» наполнено еще и представлениями о Доме. Данный концепт выступает одним из смысловых элементов таких дуальностей, как постоянное – динамичное, вечное – временное, производя ощущение прочности/непрочности и устойчивости/неустойчивости бытия. Включенность представлений о Доме в различные сферы жизни детерминирована особенностями мышления русского человека, в частности, потребностью перевода онтологических вопросов в статус феноменологических, т.е. лично пережитых. Парадигма родственных отношений – семья, отец, дом – была когерентна духовная парадигма, основными элементами которой выступали Дом Небесный и Отец Небесный. Другими словами, модель онтологических универсалий была явлена миру через систему семейно-государственных феноменов. Дом выступал еще и территорией *со-в-местности* пребывания всех членов семьи, как живых, так и умерших. Другими словами, возникала темпоральность особого рода: многоуровневая модель, в которой время воспринималось и через родовой фактор. Концепт «Дом» коррелирует и с внутренним устройством человека, поскольку в святоотеческой трактовке духовная жизнь изоморфна образу Дома, воспринимаемому в качестве храма души. Подобное осмысление концепта «Дом» будет характерно для русской культуры вплоть до начала XX века, когда на смену понятию «домостроительство» придет теория «жизнестроения» В. Соловьева, в которой сохранятся смыслы, присущие и указанному понятию.

Одним из структурных элементов концепта «граница» выступает и дихотомия «добро – зло», проявляющаяся в двух вариантах: освоенная человеком/этносом территория, воспринимаемая как пространство Правды, противостоящее Кривде, земле другого человека/этноса; противоборство Добра и Зла рассматривается как противостояние космических сил – неба/верха и земли/низа. Еще одним модусом концепта, реализуемым по вертикали в контексте оппозиции «верх – низ», можно считать возможность смены культурной парадигмы лишь на одном из полюсов (новое представление о мире, новая аксиология и знаково-символическая система), на другом все может оставаться в контексте старой традиции. Производится конструктивная напряженность, каузальность которой обусловлена нацеленностью человека на воплощение сформированного в данной культуре идеала, который коррелирует с одним из элементов дуальности.

В заключение автор отмечает, что закреплению бинарности способствовали и геополитическое положение Руси/России между Востоком и Западом, актуализировавшее понятия «фронт», «рубеж», дихотомии «центр – периферия» и «свой – чужой», и бытование в социокультурном пространстве двухуровневой языковой системы (профанный/сакральный). Специфическая же комбинация структурных элементов данных концептов (Дом, хронотоп, рубеж), активизация которых когерентна актуальному социокультурному контексту, отражала новую систему координат.

В параграфе 2.2 «Динамика представлений о будущем в древнерусской культуре» анализируется социокультурный контекст, в границах которого происходила концептуализация будущего в Древней Руси и выявляются его модальные формы в рубежные моменты древнерусской истории.

Представления о времени и пространстве в дохристианской Руси не отличались от взглядов других языческих племен, где смыслообразующим и структурным элементом выступают мифологические категории. Лексема «время» в контексте древнерусской культуры имеет разные коннотации, среди которых можно выделить следующие: календарная единица, обозначение длительности процесса, онтологическая категория, эпоха, указание срока, благоприятный момент, возраст и пр. Эти смысловые значения, сформировавшиеся в разные периоды, сохранялись в древнерусском языке вплоть до XVII в.

Концептуализация будущего происходит в контексте православия, где оно осмысляется через категорию преображения мира и человека, устремленности к Богу, а исторический процесс на Руси начинает трактоваться как «онтологическая динамика восхождения мира к Богу»¹. Данный подход становится основой для формирования историософии, на развитие которой сильное воздействие оказывает исихазм. С точки зрения исихазма свет/энергия воздействует на косную природу, превращая ее в подвижную и податливую, благодаря чему происходит расширение «мира дальнего», здешнее бытие за счет расширения начинает свое движение к Богу, к «миру дальнему». От человека требуются усилия, направленные на преобразование тварного бытия и позволяющие приблизиться к и nobis тику, к Богу. Этот процесс подразумевает структурирование «мира дальнего», основанное на организации и формообразовании, главным ориентиром которых выступает вертикальная устремленность. Именно поэтому одним из градообразующих компонентов эпохи Средневековья выступают храмы, чьи купола и кресты символически следуют трактовать как «устремленность в будущее». В связи с этим история в контексте древнерусских представлений есть теургия.

Система находится в сбалансированном, устойчивом состоянии до тех пор, пока сохраняется устремленность в соединении энергийных начал двух миров, но к бифуркационной стадии данную систему могут привести страсти. Они продуцирует устойчивые энергетические структуры, чья природа отлична от энергии «мира горного» и представляет несинергийный тип энергий «мира дальнего». Появление данного состояния сигнализирует о необходимости возврата к синергии, поскольку в отличие от энергии страсти, обладающей устойчивостью и самовоспроизводством, синергия требует от человека постоянных внутренних усилий, направленных на построении божественно-ориентированной вертикали. Другими словами, исихазм исходит из представления о том, что именно *подвижнический образ жизни является условием для реализации истории*.

Представления о будущем, в том числе и Руси, трансформируются к XVII в., о чем свидетельствуют исторические сочинения данного периода. В частности, С. Полоцкий пропагандирует идею о блестящей имперской судьбе Руси. Архимандрит И. Гизель создает «Синопсис» (1674), где указывает на взаимосвязь между победой Руси над польско-литовскими захватчиками и самодержавием, поскольку оно угодней Богу, нежели любое разделение власти. Символично выглядит и освобождение Русью Киева (города, откуда начинает распространяться истинная христианская вера) от католической Польши, благодаря чему русский царь превращается в могущественнейшего из монархов, а Русь – в христианскую империю, пришедшую на смену Византии. Данная работа закладывает основу для возникновения концепции единства Российской империи, которая появится уже в Новое время.

В заключение автор отмечает, что древнерусская культура, детерминированная традицией, обладала прочным механизмом интеграции. Однако на рубеже XVI–XVII вв. начинается обмирщение культуры, основой которого выступает начавшаяся еще в конце XVI в. секуляризации сознания, что приводит к вычленению в мировосприятии древнерусского общества «прошлого», «настоящего» и «будущего». Два взаимосвязанных фактора – секуляризация и ускорение темпов протекания исторических процессов – продуцировали ситуацию парадигмального кризиса, который не следует рассматривать как отход от заданного магистрального пути, он являлся лишь реакцией на спад интегрированной целостности социокультурного пространства древнерусской культуры (если пользоваться терминологией синергетики, то его следует рассматривать как точку бифуркации).

В параграфе 2.3 «*Имманентность концепта «устремленность в будущее» концептосфере русской культуры начала XVIII века*» прослеживается трансформация семантического поля концепта «устремленность в будущее» в русской культуре Нового времени и рассматривается комплекс способствовавших этому политических и социокультурных факторов.

¹ Хоружий С.С. Исихазм и история // Цивилизации. Вып. 2. М.: Наука, 1993. С. 172.

Начало XVIII в. конституирует деление отечественной истории на два периода – Русь до-петровскую (старую) и Россию послепетровскую (новую). Таким образом, расколотость русского общества в этот период усугубляется: к распаду религиозному – на староверов и нововеров, – добавляется еще и деление фактически на два субэтноса (модернизированное и традиционное). Эпоха демонстрирует противостояние двух элементов конструктивной напряженности – старое–новое, – в котором каждый воспринимает противоположную сторону в контексте дихотомии «добро – зло».

В российском социокультурном пространстве начала XVIII в. наблюдается тенденция на актуализацию концепта «идеология» в политическом дискурсе, что приводит к установлению новых взаимоотношений структурных элементов национальной концептосферы и производству новых концептов (империя, история, Петр, власть, государство, Петербург, служба). Под идеологией в данном исследовании подразумевается, во-первых, совокупность общезначимых идеалов, формирование которых детерминировано интересами социума. Во-вторых, идеология как одна из форм политического мышления. Исходя из сказанного, функциональное значение идеологии, с одной стороны, заключается в структурировании социально-политических процессов и интеграции разно-ориентированных групп социума, с другой стороны, идеология выступает как источник легитимности власти. Далее анализируется необходимый для воплощения общезначимого идеала механизм, непременными элементами которого становятся лидер, социум, определенный символ и идеологический миф.

Для Петра I идеалом выступала «новая Россия», поэтому актуализируется дихотомия «старое – новое», которая играла ключевую роль в определении «плохое – хорошее». Для Петра I и его окружения хорошим выступало все, что было создано под знаком новизны, а смыслообразующей для Петра становится идея служения государству.

Концептуализация феноменов «власть», «государство», «царь/император» проходит при Петре I под влиянием нескольких тенденций:

1. *Традиционные для древнерусской культуры представления о сакрализации власти*

Сохранившийся в народной массе образ правителя как воплощения Правды, воспринимался еще и в контексте идеологии священного государства. Петр I рассматривает свою деятельность в контексте служения и России, а не только Богу. Ценностным критерием при анализе деятельности монарха для Петра I выступают личные характеристики правителя, благодаря которым он способен управлять государством.

2. *Традиционный для древнерусской культуры почитаемый образ отца*

Многие исследователи (в частности, А. Ахиезер, Ю. Лотман, Е. Погосян, С. Соловьев) отмечают, что на формирование авторитарного способа правления в России оказало влияние главенствующее положение отца в семье, доме, старейшин в крестьянском мире.

3. *Секулярный источник происхождения власти*

Идея, позаимствованная Петром, у западноевропейских философов (Дж. Локка, Ф. Бэконa, Г. Лейбница).

Таким образом, формирование смыслового поля концептов «власть», «государство», «царь/император» в начале XVIII в. коррелирует как с традиционными для русской культуры тенденциями, так и с западноевропейскими влияниями, благодаря совокупности которых возникает идея о цивилизаторской роли государства в обществе.

Для Петра I символическими образами становятся море, с которым связан и образ корабля, и Петербург. Как отмечает Ю.М. Лотман, в идеологеме старца Филофея «Москва – третий Рим» изначально заложен двойственный смысл: Москва – наследница Константинополя/Рима как религиозного центра, как центра политического, имперского. Именно второй аспект – столица как город имперский – актуализирует Петр, вступая, таким образом, в противостояние с католическим Римом за право исторического наследства (хотя и религиозный аспект русским царем не исключался полностью). В связи с этим допустимо говорить о наделении Петербурга сакральностью нового типа, представляющей совокупность традиционно русских представлений о святости, которые были переосмыслены в контексте европейской философии.

Основой идеологического мифа эпохи выступают личность Петра I и его деятельность, направленная на модернизацию России. Для поддержания веры в идеал существует система особых операций, которые формируют базирующийся на ритуале идеологический культ, нуждающийся в специфическом художественно-декоративном контексте. При Петре I этот фон создавался традицией проведения парадов и возведения триумфальных арок в честь военных побед, к составлению программ росписей и оформлению привлекались лучшие профессора (в частности, из Славяно-греко-латинской академии) и художники того периода. Частью этого идеала становится и особое восприятие времени и истории: Петр и его современники чувствовали ускорение темпа жизни.

В заключение подчеркивается, что кризисность данной эпохи связана с распадом интегрированного единства, которое в предшествующий период базировалось на православии. Секуляризация, осуществленная Петром I и не воспринятая народными массами, осмысливается ими в эсхатологических категориях. С их точки зрения, Правда покинула землю и вернулась на небо, а Кривда получила возможность распространиться по земле и будет пребывать здесь до наступления «последних времен». При Петре I закладывается тенденция, направленная на реализацию творческих потенций и модернизацию, особое восприятие времени и истории, которые продуцировали преобразование существующих форм культуры. В связи с этим рождались новые смыслы, среди которых оппозиция «старое время – новое время» (допетровская/старая Русь – петровская/новая Россия), членение исторического времени на «прошлое», «настоящее», «будущее».

В параграфе 2.4 «*Метаморфозы концепта «устремленность в будущее» в отечественной культуре рубежа XIX–XX вв.*» реконструируется концептосфера русской культуры рубежа XIX–XX вв. и прослеживается трансформация смыслового пространства концепта «устремленность в будущее» в контексте ценностных систем основных социокультурных групп русского общества рубежа XIX–XX вв.

Затруднение в выявлении компонентов концептосферы русской культуры на рубеже XIX–XX вв. возникает в связи с возросшей в этот период дифференциацией общества, заменой сословий классами, образованием различных групп. При подобной гетерогенности социума существует опасность создать искусственный конструкт, не имеющий к действительности никакого отношения. Более того, как уже отмечалось, один и тот же концепт в научных текстах и в обыденном сознании в границах одной и той же эпохи наделен различным смысловым пространством. Однако помня, что любое высказывание современников о факте или социокультурном процессе есть результат его фиксации наблюдателем, даже при условии территориальной удаленности последнего от события, данная проблема решается, поскольку эти высказывания репрезентируют смысловое поле данного факта или социокультурного процесса, демонстрируя стиль мышления, картину мира данной эпохи. То есть адекватность механизма при воссоздании концептосферы русского общества указанного периода должно обеспечить понимание того, что любое высказывание о факте/явлении есть интерпретация этого факта/явления, всегда погруженного в контекст эпохи. Следовательно, даже противоположные высказывания об одном и том же факте/явлении, произнесенные в одно время, ко-герентны, а значит, результатом реконструкции выступает не сам факт/явление, а только его интерпретация, ибо прошлое всегда выступает как социокультурная конструкция.

Сложность заключается и в том, что лексическая идентичность названия концепта в XIX в. и начале XX в. не означает их смысловой идентичности, поскольку социокультурное пространство этих периодов различно, а, следовательно, и концепт как ментальная конструкция, закрепленная в языке, аккумулирует разные ценностные и идеологические установки. В связи с этим в первую очередь будут анализироваться концепты, составившие концептосферу предыдущего периода (история, отчество, государство и др.), поскольку прогнозируемая трансформация их смыслового пространства (или перемещение ядерного концепта на периферию) позволит выявить основополагающий лексикон эпохи, который и следует рассматривать. Данный подход окажется продуктивным и при анализе концепта «устремленность в будущее».

Таким образом, верификация воссоздаваемой концептосферы культуры, представляющей систему взаимосвязанных смысловым пространством концептов, должна осуществляться через призму последних, поскольку их вычленение позволяет анализировать отдельные коррелирующие с ними сегменты, соединение которых и дает представление о целом.

В концептосферу русской культуры на протяжении XIX в. входили следующие элементы:

1) *Отечество*: во времена Петра I в сознании русского общества утверждается концепт «Великая Россия», но в XIX в. происходит его распадение на концепты «отчество» и «государство». Сильное воздействие на окончательное размежевание двух этих слов – государство и отчество – оказала война 1812 г., в названии которой закрепляется прилагательное «Отечественная»;

2) *Россия* → русское «просвещение» и западная «цивилизация»: в XIX веке в русском обществе концепт «просвещение» приобретает статус ядерного, а его смысловое пространство могло быть детерминировано как историко-культурным/православным контекстом, так и в духе западноевропейской традиции (в это случае просвещение становилось синонимом слова «цивилизация»);

3) «история» → «отечественная/русская история»: интерес к отечественной истории в обществе был обусловлен ростом национального самосознания, в выражении которого не стеснялись ни либералы, ни консерваторы, и влиянием романтизма. Национальная история в этот период начинает соотноситься с современностью, а героическое прошлое страны воспринимается как пример для подражания. В истории России первая половина XIX в. – одна из эпох, где национальное и героическое представляли собой единство.

Попытки привнести в социокультурное пространство России западноевропейские идеи и опыт приводят к их столкновению с позицией течения, отстаивавшим, как ему казалось, традиционные ценности русской культуры. Поскольку два этих течения – западники и славянофилы – находились лишь в стадии становления, то границы между ними были размыты, поэтому в отношении них некорректно говорить о «философии» славянофильства или западничества вообще, поскольку, несмотря на кажущуюся внешнюю общность каждого из течений, концепция отдельно взятого мыслителя индивидуальна, а позиции по отдельным проблемам могут расходиться. Однако причина их противостояния – оценка западноевропейского опыта и возможность его перенесения на русскую почву – свидетельствует об актуализации проблемы цивилизационного выбора пути дальнейшего развития России;

4) *интеллигенция*: в 1845–1865 гг. происходит смысловая трансформация слова «интеллигенция», его неотъемлемыми элементами становятся нравственный идеал и самосознание, тесно связанные с концептом «совесть». В этот период семантическое пространство слова «совесть» редуцируется, акцентируется внимание на нравственной составляющей, а «сознание», отбирает часть семантической нагрузки у «совести», которая становится одним из элементов сознания: совесть как сознание Добра и Зла;

5) «народность/народ» → «нация»: для интеллигенции XIX–XX вв. актуальным становится концепт «нация» (фактически тождественный концепту «народ»), трактовавшийся как феномен, рождающийся в результате исторической деятельности, обладающий своим, уникальным ментальным набором характеристик. В кризисные периоды, полагала интеллигенция, когда предстоит выбор исторического пути, именно наднациональный культурный код нации определяет ее дальнейшее развитие.

В заключение отмечается, что рубеж XIX–XX вв. характеризуется сдвоенным кризисом ценностей, который выражался, с одной стороны, в нивелировании гуманистической идеи, основными элементами которой выступали Добро и Красота. С другой стороны, в этот период происходит распад комплекса общих ценностей, присущих русской деревне, что связано с активизацией урбанизации. Историческая логика развития на рубеже XIX–XX вв. требовала трансформации русского общества, превращения его в прогрессивное, что было невозможно без попадания и в контекст политических процессов. Активизация политической идеологии приводит к продуцированию нового комплекса концептов (в частности, партия, революция, обновление) и мифотворчества, и связана с формированием национального са-

мосознания. Именно политические теории начинают определять местоположение события, иногда редуцируя отдельные исторические моменты и выстраивая собственную историю.

Третья глава «**Утопия как смысловой конструкт концепта «устремленность в будущее» в контексте русской культуры 1460–1930-х гг.**» посвящена анализу основных подходов к определению термина «утопия» в гуманитарном знании и выявлению актуальных для русской культуры форм утопических моделей.

Параграф 3.1 «*Трансформация смыслового пространства концепции «Москва – Третий Рим» в контексте представлений о будущем русского общества XVI в.*» посвящен выявлению оснований для разработки смыслового пространства доктрины «Москва – третий Рим» в контексте хилиастических и эсхатологических представлений Средневековья как отражения представлений о будущем.

Начало параграфа посвящено анализу утопии как социокультурного феномена, результатом которого становится положение о том, что, несмотря на разные подходы к классификации утопий и определению данного термина, все исследователи, занимающиеся этой проблемой (В. Бакулов, Э. Блох, В. Лекторский, К. Мангейм, П. Тейяр де Шарден В. Чаликова, Е. Шацкий и др.), исходят из представления, что содержательной основой утопии выступает социокультурный идеал. Утопии свойственны проективность, нацеленность на преобразование окружающей действительности, повторяемость и устойчивость.

Далее анализируется историко-культурный контекст, в пространстве которого происходило продуцирование доктрины «Москва – третий Рим» (принятие Флорентийской унии, автокефалия РПЦ, падение Константинополя, женитьба Ивана III на Софье Палеолог). Подчеркивается, что социокультурный контекст эпохи, элементами которого выступали эсхатологическая идея и провиденциализм, продуцирует идею об особой миссии русского народа, Московии и ее правителя. Одним из принципов официальной идеологии Руси в начале XVI в. становится признание Москвы политическим и религиозным центром, где между политической, правом и религиозно-мировоззренческими категориями существует тесная взаимосвязь. Другими постулатами выступали вхождение Руси в европейское политическое пространство в качестве суверенного государства и положение о преемственности власти московских князей. Другими словами, *сформировавшийся на Руси комплекс идей и ценностей ориентировал на «старину», заявляя о древности великокняжеского рода и государства*. Необходимо было выработать объединявшую эсхатологические постулаты, провиденциализм и идеологические построения концепцию, благодаря которой открывался путь по преодолению возникшего в этот момент историософского затруднения. Этот выход и был предложен русскими богословами, в произведениях которых нашел отражение комплекс идей и представлений, присущих русскому обществу XVI в. В связи с этим расширяется смысловое пространство концепта «Москва» за счет приобретения столицей Руси метаисторического статуса. Если в предшествующий период Москва уже изоморфна древнерусскому государству, то в начале XVI в. она начинает олицетворять его.

Благодаря данной доктрине Русь, с одной стороны, выстраивает горизонтальные связи с современным ей социокультурным пространством, определяя собственное положение в историческом процессе. С другой стороны, концепция Филофея помогает протянуть вертикаль, начало которой связано с первыми событиями библейской истории, а будущее – с положением «последнего царства», с необходимостью подготовки к эсхатологическому концу. Конструктивная напряженность оппозиции «старое – новое» в контексте отечественной культуры той эпохи моделирует новое смысловое пространство, где в качестве структурного элемента наличествует не только оппозиция «Русь – Византия», но и сопоставление «старой Руси – новой Руси», в котором последней отводится роль избранного государства и особая миссия по сохранению православия (происходит и трансформация актуального слоя концепта «новая Русь» в «святую Русь», смысловое пространство которого содержало представление об универсальном всемирном значении Руси).

В заключение подчеркивается, что процесс возникновения централизованного государства должен сопровождаться созданием общего трансцендентно-исторического простран-

ства, имманентность которого ощущается всеми членами общества. Именно пребывание в этом пространстве запускает механизм формирования особого типа сознания, когнитивных структур, благодаря которым начинают вырабатываться специфические для данной эпохи категории и формы восприятия. Смыслообразующей основой утопии выступает абсолютный социокультурный идеал, способ воплощения которого отражает специфику утопического сознания, через призму которого оценивается действительность. Одним из таких идеалов следует считать представление о Правде, ставшем одним из элементов государственной идеологии.

В параграфе 3.2 «*Проективность как характеристика русской культуры рубежа XIX – XX вв.*» ретроспективно рассмотрены утопии 1820–1860-х гг. и определен комплекс идей и концептов, сохранивших свою актуальность в утопических течениях начала XX в., представлен сравнительный анализ сложившихся на рубеже XIX–XX вв. утопических теорий для выявления основных тенденций видения будущего русским обществом данного периода.

Несмотря на разность утопических построений в начале XX в., все они базируются на идее, проекция которой, с одной стороны, устремлена в будущее, а с другой – сформулированная в моделях цель детерминирует поведение людей здесь и сейчас, поэтому начинается поиск путей для ее реализации, что требовало выхода в зону политики, область, благодаря которой можно наиболее эффективно и широко пространственно преобразовать существующую действительность. В связи с этим «идея» в контексте политической сферы приобретает новый статус, прекращая быть по-платоновски статичной и лишь прообразом вещей, она акумулирует потенцию и, что более существенно, акт. Проведенный обзор утопических проектов России XIX в. свидетельствует о наличии разнообразных моделей преобразования, начиная от радикальных и заканчивая консервативными. Это был период, когда каждый человек должен выбрать определенную модель поведения, занять определенную позицию, благодаря совокупности которых происходила его идентификация. В связи с этим политическую партию не следует рассматривать лишь как механизм, продуцирующий некоторые идеи. Она выступает коллективным субъектом, которому присущи конкретные политические ценности и цели, разделяемая большинством ее идеология. Особенностью утопических проектов революционных демократов (Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов) следует считать синтез политической и социальной сфер. Главной целью становилось достижение свободы, поэтому преобразования должны были затронуть политическую систему, путем радикализации либеральных идей, и, следовательно, трансформировать социокультурное пространство. Сходство либеральной и социалистической утопий заключается в абсолютизации свободы и декларирование ее в качестве цели. Однако если либеральная утопия исходит из положения возможности ее достижения в далеком будущем, то социалистическая предполагает прийти к цели после разрушения капиталистического уклада. Кроме того, социалистическая утопия не просто постулирует приход равенства и свободы, но анализирует наличествующую социально-экономическую и политическую ситуацию, намечая пути, которые могут привести к желаемой цели, и способные для борьбы силы.

Несмотря на разность продуцируемых в этот период утопических моделей, можно выделить аспекты, доминантные для большей части из утопий:

1) *община*: превращается в ядерный концепт утопических проектов с 1840-х гг., трактуемый как особая структурная единица русской деревни;

2) *пан-этическая тенденция утопий*: несмотря на идеологическую разность во всех создаваемых в этот период утопиях превалировал этический аспект;

3) *отношение к традиции*, которую следует воспринимать как социокультурный конструкт, включающий объект, процесс и различные способы наследования. В начале XX в. можно констатировать наличие разных видов традиций, а, следовательно, и различные механизмы их воспроизведения. Официальная идеология основывалась на традиции – инерции, которая задавала вектор развития лишь на воспроизведение сложившегося социокультурного порядка и его консервацию, в среде «почвенников» были актуализированы традиция – но-

стальгия об общинной Руси и традиция – реставрация, ориентированная на воссоздание той Руси, которая представлялась периодом устойчивости и стабильности.

Несмотря на разность предлагаемых путей по преобразованию действительности, утопии опирались на идентичные по названию концепты и идеи, что свидетельствует об укорененности данных моделей в русскую почву. Комплекс проблем, присущий русскому обществу начала XX в., осознавался всеми утопическими теориями, но способ их разрешения предлагался в контексте исповедуемого конкретной утопией идеала:

1) *преодоление расколотости*: целью большей части из них выступало построение общества, основанного на идеалах общинности или братства, трактуемых, однако, в контексте комплекса идеалов конкретной утопической модели;

2) *концепт «Правда»*: дуалистическое видение картины мира, основанной на противоположении Правды и Кривды, продолжало оставаться актуальным для русского общества, особенно в народной среде;

3) *иdea преображения*: в русском сознании воплощение Правды должно сопровождаться не бегством от эмпирической действительности, а непременным ее преображением. В связи с этим можно говорить о доминировании в сознании русского человека идеала Воскресения.

В заключение делается вывод о том, что все утопии начала XX в. можно разделить на консервативный и неконсервативный типы. Для консервативных утопических проектов идеалом выступала старина, аккумулированная в настоящем, детерминировавшая настоящее, поэтому ее необходимо было сохранять, а будущее рассматривалось через призму прошлого. Для утопий неконсервативного толка главной целью было преобразование действительности в соответствии с социалистическими идеалами, что требовало разрушения наличествующей социально-политической системы. В связи с этим важным критерием возможности осуществления утопии выступала способность социальной группы/партии преобразовать потенцию в акт, ибо они не являются тождественными субстанциями, они только когерентны друг другу. Несмотря на многообразие утопических теорий на рубеже XIX–XX вв., они пользовались одними и теми же концептами (Правда – Кривда, Добро – Зло, Счастье – Несчастье) и идеями (в частности, идеей соборности), что указывает на русскость и почвенность всех утопических теорий.

Параграф 3.3 «Концептуализация образа Великой Октябрьской революции в российском обществе 1920–1930-х гг.» посвящен выявлению механизма формирования образа Октябрьской революции в 1920–1930-е гг. и способов его последующей концептуализации и презентации, проанализировано смысловое пространство концепта «Октябрьская революция» и рассмотрены его структурные компоненты.

Октябрьская революция наделена теми же универсальными характеристиками и принципами, что и другие революции Нового и Новейшего времени, однако ее особость и индивидуальность выделяются прилагательным «Октябрьская» или словосочетанием «Октябрь 1917 года». В связи с этим основополагающим концептом нового советского государства выступает «Октябрьская революция». После Октябрьской революции задача большевиков состояла в конструировании советского пространства, главной категорией которого становится размер. Причем данная характеристика присуща не только физическим объектам («самая большая территория», «СССР – крупнейшая держава», проект Дворца Советов Б. Иофана), но и аксиосфере («самый героический», «самый трудолюбивый», «самый стойкий» и пр.) и эпитетам («Великий Октябрь», «Великий Ленин», «Великий Сталин»). Другими словами, все доминантные концепты советской эпохи выражены через пространственные категории, а точнее, через сознательное преувеличение размера. В частности, постепенное расширение зоны влияния большевиков в ходе Гражданской войны приводит к заполнению ими территории России и продуцирует выдавливание несогласных сначала на ее периферию, а потом и за границу, инициируя формирование в контексте русской культуры двух субкультур – Советской России/метрополии и Русского Зарубежья/диаспоры, каждая из которых символизировала разные полюса дихотомий «старое – новое»/«традиционное – урбанистическое», «свой – чужой».

Таким образом, оценка Октябрьской революции в советской России и Русском Зарубежье отличается противоположностью, а смысловое пространство концепта «Октябрьская революция» детерминировано образами «конца» (диаспора) и «начала» (метрополия) (однако для обеих субкультур революция выступала границей, разделившей жизнь на «до» и «после»). Главной задачей идеологов метрополии и диаспоры становится вовлечение все большего числа адептов, следовательно, возникает потребность апелляции к массам, которая не готова, а главное, не способна воспринимать научные теории (однако в метрополии данный процесс по понятным причинам шел активней). В этой ситуации выходом становятся различные механизмы идеологического воздействия (в частности, разнообразные виды пропаганды, направленные на упрощение идеи для ее дальнейшей ассиляции с уже закрепленными в массовом сознании представлениями и на эмоциональное воздействие), цель которых заключалась в закреплении в коллективном сознании актуальной для властных структур новой аксиосферы и ее обязательной иерархизации.

Еще одним способом внедрения можно считать и формирование вокруг каждой из идей комплекса символов, верований и мифов, поскольку верования, мифы и метафоры выступают инструментами для облегчения проникновения идей в массовое сознание.

Смысловое пространство концепта «Октябрьская революция» включает несколько структурных компонентов, однако его гиперсимволичность и гиперзнаковость превращает это пространство в супертекст, где не всегда между элементами можно провести четкую границу:

1) *Октябрьская революция как Событие*, структурными элементами которого становятся:

- «новая история»: актуализация идеи истории в первые послереволюционные годы связана с ее функциональным принципом моделирования социокультурной реальности, а обращение к прошлому стало непременным элементом политической риторики;

- формирование образа Героя на основе отдельных элементов архетипического сюжета, например, мотива принесения в жертву ради всеобщего блага (создание «красного некрополя» в Москве в 1917 г., используется визуальные образы, в частности, плакатное искусство);

- формирование образа вождя: создаваемая Лениным партия представляла собой образование нового типа, поскольку партийные структуры предшествующего периода исходили из принципа диалогизма, его же партия базировалась на монологичности, поскольку ее цель состояла в приведении народных масс в царство Правды. В этом сюжете легко угадываются ветхозаветные мотивы, связанные с Моисеем и иудейским народом, который возвращается благодаря ветхозаветному пророку в Землю обетованную. Кроме того, значимость фигуры Моисея, его избранность Богом в качестве «спасителя своего народа», в контексте советской идеологии тождественна фигуре партийного вождя. То есть данный сюжет представляет совокупность различных архетипических элементов, включая образы Героя, «народного царя» и ищущего как переодетого правителя;

2) *Октябрьская революция как установление идеала Правды*: народное сознание продолжало жить надеждой на восстановление царства Правды, в контексте этих представлений Октябрьская революция воспринималась в как восстановление царства Правды. Многие тексты, создаваемые в этот момент, базировались на архетипическом представлении о праведном Пути, метафора которого продуцировала пространственный образ главного, магистрального, истинного пути и противопоставлялась тупиковому пути дореволюционного периода. Идеал Правды, таким образом, выступал эффективным инструментом конструирования нового социокультурного пространства, поскольку данный процесс невозможен без веры в существование враждебного мира, мира Кривды. Это противопоставление продуцирует конструктивную напряженность, способствующую оформлению строящейся системы;

3) *Октябрьская революция как миф об основании и миф о Воскресении*: миф об основании выступает базовым для формирующегося социума, он аккумулирует мысль о разрушении всего неприемлемого в прошлом и одновременно постулирует надежду на лучшее будущее, его следует рассматривать в качестве главного критерия для идентификации индиви-

дов. Кроме того, миф всегда повествует о первопоступке, об акте творения, воспроизводя который общество каждый раз переживает единение в пространстве и времени. Миф об основании смыкается с мифом о Воскресении, символом которого в народном сознании выступал красный, пасхальный цвет. История русской культуры демонстрирует трансформацию исихастского света во всепоглощающий революционный огонь/пожар, переход гармонии в страсть.

4) *Октябрьская революция и пролетариат/партия*: партия наделяет себя властными полномочиями, превращаясь в высшую Правду, которая представляет некий симбиоз «народ – партия – государство».

Кроме этого анализируется трансформация марксизма в «научный коммунизм» и абсолютизация науки.

В заключение отмечается, что для конструирования нового смыслового поля, аккумулирующего коллективные представления о взаимодействии прошлого, настоящего и будущего, была проведена процедура реинтерпретации революционной событийности. Природа любого события такова, что она требует его интерпретации как прошлого, поэтому прошлое выступает социокультурным конструктом. Поскольку в этот период социокультурное пространство России распалось на метрополию и диаспору, то каждая из субкультур формирует собственный образ Октябрьской революции. Более того, необходимо различать образ революции, формируемый политической элитой для народных масс, и оценку революционных действий, представленных в теоретических работах партийных лидеров России и Запада. В первом случае можно говорить о конструировании образа с помощью различных механизмов идеологического воздействия, главная цель которых состоит в упрощении комплекса идей и его синтезе с уже сформированными в общественном сознании представлениями, в эмоциональном воздействии на человека. Результатом подобных манипуляций должно стать закрепление в коллективном сознании актуальной для политической элиты системы ценностных категорий с обязательной их структуризацией и иерархизацией.

В **заключении** подводятся итоги исследования, обобщаются его результаты, определяются перспективы. В ходе исследования автор приходит к следующим выводам:

1) концепт следует трактовать как конструкт, являющийся одним из главных элементов мышления, результатом процесса его объективации выступает слово/образ;

2) смысловые коннотации представлений о будущем когерентны актуальной модели времени/истории. Историческая динамика осмыслиения пространственно-временных категорий от древности к средневековью свидетельствует об ориентации каждой следующей эпохи на выявление механизмов функционирования мировых процессов и их законообразности;

3) для возникновения революции как необратимого События, ведущего к качественно новой трансформации наличествующего социокультурного бытия, необходимы следующие условия: современный исторический контекст, историческое поле (особенность его бытования связана с резким увеличением эксплицитно артикулированных высказываний против существующей системы, с невозможностью системы найти адекватные формы ответа, что приводит к разрыву исторического континуума); наличие действующего коллективного субъекта, способного трансформироваться в субъект политический;

4) инверсионный тип мышления, присущий русскому обществу, обусловил бинарность структуры русской культуры. Подобный тип мышления продуцирует дихотомии «добро– зло», «старое–новое», детерминирующие смысловое пространство концепта «Русь» и коррелирующего с ним концепта «граница». Закреплению бинарности способствовали и геополитическое положение Руси/России между Востоком и Западом, актуализированное понятия «фронт/режим», «рубеж», дуальности «центр–периферия» и «свой–чужой», и бытование в социокультурном пространстве двухуровневой языковой системы (профанный/сакральный). Инверсионная логика ставит русского человека в перманентное состояние выбора, где альтернатива выглядит как смещение фокуса с одного полюса дуальности на другой;

5) будущее в контексте русского православия концептуализируется, осмысливается через категорию преображения мира и человека, а история предстает как обожение;

6) при Петре I происходит переход России в Новое время, детерминированное идеей прогресса. При этом «прошлое» подлежало сакрализации, а «будущее» концептуализировалось через категории бинарности, присущие русскому обществу, и под влиянием комплекса идей эпохи, пришедших из Западной Европы;

7) обозначившаяся тенденция на модернизацию и политическую доминанту инициирует отход от сложившейся в предыдущий период системы ценностей как реакцию на дискомфортное состояние системы. Это привело к запуску механизма перехода к противоположному полюсу оппозиции и формированию ориентации на реформирование как поиск новых альтернатив. Результатом становится продуцирование каждой из групп собственного социокультурного текста, который аккумулировал многочисленные теории, накопившиеся к этому моменту, и одновременно выступал как «потенциальный текст», поскольку именно содержащиеся в нем идеи, главной из которых выступала идея преображения действительности/бытия, и задали вектор социокультурного и политического развития в XX в.;

8) Будучи утопической концепцией, для которой характерна абсолютизация декларируемых идеалов, теория «Москва – третий Рим» продуцировала новый фокус зрения на страну, ее место в мире, на ее будущее, идеализируя образ Руси и ее народа. В период правления Ивана Грозного концепция Филофея преобразуется в идеологему, которая демонстрирует системную закрытость, а ее идеи, ценности и нормы приобретают императивный характер. Поскольку идеологема не способна развиваться, то единственной возможностью ее распространения становится расширение путем перенесения на новые сферы действительности своих принципов и норм и принудительного их закрепления. Именно в этот момент можно говорить и о попытке соединить небесное/божественное и земное/человеческое, что приводит к сакрализации земного выражения небесного;

9) главной целью всех утопических проектов начала XX в. становится преображение действительности, идеологической основой которого выступает допущение о преображении материального духовным. Социал-демократы, с их приматом материального, должны были найти адекватный способ объяснения возможности преображения окружающей действительности, что вынуждало их приписать материи качества, которыми она не обладала (в частности, одухотворенностью, которой она никогда не наделялась у западноевропейских материалистов). Кроме того, марксизм как основа для построения футурологической модели подвергся в среде большевиков идеологизации, что продуцировало в дальнейшем его догматизацию. Таким образом, предыдущие два тезиса позволяют сделать вывод, что в качестве источника большевистского материализма можно рассматривать религиозную идею о преображении тварного бытия, процесс же преображения представляет теургию в контексте атеизма, а идеологизация отдельных положений марксизма способствует его трансформации из теории в догму;

10) смысловое пространство концепта «Октябрьская революция» следует рассматривать как супретекст, которому присуще нерасчлененность вещественного и знаково-символического, а структурными единицами данного текста выступают, в том числе, и советские граждане как его экзегеты, жизнь которых во многом зависела от верности интерпретации наличествующего текста.

В ходе исследования было замечено, что в контексте русской культуры сменяя друг друга, присутствуют два типа культуры – Культура Слова и Культура Вещи (естественно, что в любой культуре наличествуют оба компонента, но в данном случае, речь идет о доминировании одного из них). Так, для московского барокко Слово выступает как смыслообразующая категория, детерминирующая смысловое пространство культуры. Ее динамическое развитие для художников того времени заключалось в попытке разгадать смысл слов, образующих как бы процессию, а доминантным был эстетический аспект, ориентация на Красоту как центральное понятие древнерусской культуры. Во время правления Петра I на смену Слову приходит Вещь и, коррелирующая с ним, Польза. Для культуры рубежа XIX–XX вв. вновь характерна ориентация на Слово. Послереволюционная культура 1920-х гг. была ориентирована на создание Вещи (символичным в данном случае выглядит название журнала «Вещь»),

издаваемого И. Эренбургом, статьи в котором публиковали помимо советских конструктивистов В. Гropиус, Ле Корбюзье и др.). Идеи авангардистов (в частности, К. Малевича, Э. Лисицкого, В. Татлина, Л. Поповой и др.) были созвучны времени, ориентированного на новую программу «жизнестроения» и идеи Маркса, который рассматривал производство материальных благ как предметную среду, формирующую «неорганическое тело». Именно в этом, с его точки зрения, заключалась истинная цель исторического процесса. В творчестве этих мастеров происходило размывание границ между видами художественной культуры, что привело к рождению теории «производственного искусства», о которой заговорили сразу после революции.

Предложенная схема деления культуры на два типа – Культура Слова и Культура Вещи – является пока лишь рабочей, нуждается в тщательном осмысливании и лишь намечает контуры следующих исследований.

Основные положения диссертационной работы отражены в следующих публикациях автора:

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК для публикации результатов исследований

1. Поиск национальной идеи в русской культуре начала XX века // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. № 4 Т. 1. С. 249–254.
2. Особенности взглядов советской элиты 1920–1930-х гг. на культурную политику России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 1. С. 136–142.
3. Концепт «Художник» в контексте русской культуры начала XX века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 5. С. 90–96.
4. История как предмет рефлексии русского общества первой трети XIX века // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2017. № 2 (25). С. 31–38.
5. Социокультурные и эстетические основы соцреализма // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 5. С. 90–96 (в соавторстве с Г.В. Гриненко).
6. Русское Просвещение как культурная функция отечественной интеллигенции 1750–1800 гг. // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 6. С. 31–38 (в соавторстве с Г.В. Гриненко).
7. Динамика образа России в отечественной художественной культуре XIX – начала XX века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 4 (78). С. 70–77.
8. Комплекс идей культуры Серебряного века и их претворение в творчестве В. Кандинского // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2017. № 4 (27). С. 10–16.
9. Актуализация концепта «граница» в современной российской действительности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 2 (82). С. 34–42 (в соавторстве с Е.В. Махович).
10. Концепт как культурфилософская категория // Педагогика искусства. 2018. № 4. С. 150–156. <http://www.art-education.ru/electronic-journal> (в соавторстве с Е.В. Махович).
11. Квазирелигия: основные подходы к определению понятия // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 3 (83). С. 10–17 (в соавторстве с Е.В. Махович).
12. Культура как саморазвивающаяся система и возможности междисциплинарного подхода при ее изучении // Педагогика искусства. 2018. № 3. С. 63–68. <http://www.art-education.ru/electronic-journal>

13. Влияние исихазма на русскую художественную культуру рубежа XIV–XV вв. // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2018. № 3 (30). С. 5–12.

14. Модификация реалистического идеала в художественной культуре России 1860–1930-х гг. // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 5. С. 62–72 (в соавторстве с Е.В. Махович).

15. Аксиосфера современного российского общества: культурологический анализ // Вестник Московского лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 6 (811). С. 264–272.

16. Концепт «граница» в контексте садово-парковой культуры Запада и Востока (Китай, Япония): сравнительный анализ // Педагогика искусства. 2019. № 1. С. 55–63. <http://www.art-education.ru/electronic-journal> (в соавторстве с Е.В. Махович).

Монографии

1. Мифотворчество русской художественной интеллигенции 1900–1910-х гг.: монография. М.: Экон-информ, 2010. 199 с.

2. Традиционные черты русской культуры // Традиционная культура России и ценности постиндустриального общества: колл. монография / под ред. И.В. Малыгиной. М.: МГИК, 2017. С. 5–28.

3. Религиозная ментальность как динамическая структура // Самоопределение России в мировом культурном пространстве: искусство, религия, политика: колл. монография / под ред. Е.В. Мареевой, Н.В. Синявиной. М.: МГИК, 2018. С. 20–32.

Учебные пособия

1. История русской культуры. IX–XVII вв.: учеб. пособие. М.: МГИК, 2015. 240 с.

2. История русской культуры: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2016. 316 с.+Доп. материалы (электронный ресурс).

3. История русской культуры: XVIII–XIX вв.: учеб. пособие. М.: МГИК, 2018. 244 с.

4. История русской культуры: XX век: учеб. пособие. М.: МГИК, 2019. 170 с.

Статьи и тезисы в других научных изданиях

1. Религиозные и философские взгляды К.С. Петрова-Водкина // Сохранение и приумножение культурного наследия в условиях глобализации: сб. ст. междунар. научно-практич. конференции. Ч. II. М.: МГИК, 2002. С. 76–81.

2. Западноевропейские влияния в творчестве К.С. Петрова-Водкина // Этнокультурное разнообразие и проблема взаимодействия культур: сб. ст. междунар. научно-практич. конференции. М.: МГУКИ, 2004. С. 101–104.

3. Причины интереса к национальной истории в отечественной культуре первой половины XIX века // Царскосельский лицей (к 200-летию со дня основания): сб. ст. научно-практич. конференции. М.: Экон-информ, 2011. С. 35–40.

4. Символическое значение Москвы в истории русской культуры XIV – начала XIX вв. // Отечественная война 1812 г. в науке и искусстве: сб. ст. научно-практич. конференции. М.: Экон-информ, 2012. С. 148–159.

5. Культурно-исторический процесс как предмет рефлексии в русской культуре первой половины XIX века // Отечественная война 1812 г. в науке и искусстве: сб. ст. научно-практич. конференции. М.: Экон-информ, 2012. С. 160–169.

6. Церковные соборы и их роль в русской художественной культуре XVI века // Творчество как фактор социализации личности: сб. ст. научно-практич. конференции. М.: Экон-информ, 2013. С. 25–33.

7. Геополитическое значение понятия «граница» в контексте истории русской культуры // «Семиосфера» Ю.М. Лотмана: рецепции в современном социально-гуманитарном знании: сб.

ст. междунар. науч. конференции, посвященной 90-летию Ю.М. Лотмана: в 3 т. М.: МГУКИ, 2013. Т.2. С. 130–136.

8. Исиахазм и его влияние на творчество Феофана Грека и Андрея Рублева // Игумен Земли Русской: сб. ст. научно-практич. конференции. М.: Современная музыка, 2014. С. 40–55.

9. О некоторых характерных чертах русской культуры // Наследие Д.С. Лихачева: Непрерывное значение: сб. ст. научно-методич. конференции. М.: Экон-Информ, 2016. С. 26–30.

10. Интерес к древнерусской традиции в отечественной культуре рубежа XIX–XX вв. // Журнал исторических исследований. 2016. Т. 1. № 2. С. 2.

11. Теоретические взгляды В.В. Кандинского в контексте комплекса идей культуры Се ребряного века // Творческое, научное и педагогическое наследие В.В. Кандинского (к 150-летию художника): материалы Междунар. науч. конференции. XXVII Алпатовские чтения. М.: Кафедра ЮНЕСКО изобразительного искусства и архитектуры РАХ, 2017. С. 14–18.

12. Актуализация дихотомии «свой–чужой» в древнерусской культуре второй половины XVII века // Экстремизм и толерантность в дискурсе межкультурной коммуникации: материалы Междунар. науч. конференции. Сб. статей. М.: Полиграф сервис, 2018. С. 111–113.

13. Формирование идеологемы «Великая Россия» в петровскую эпоху и ее влияние на развитие отечественной культуры 1700–1725 гг. // Кубанские исторические чтения: материалы IX Междунар. научно-практич. конференции (Краснодар, 29 июня 2018 г.). Краснодар: Изд-во Краснодарского центра научно-технической информации (ЦНТИ), 2018. С. 172–182.

14. Идеи Просвещения и их влияние на развитие русской художественной критики второй половины XVIII века // История искусства в России – XX век: интенции, конспекты, школы: материалы Междунар. науч. конференции. XXVIII Алпатовские чтения. М.: Отделение искусствоведения и художественной критики РАХ, 2018. С. 122–126.

15. Когерентность авангарда и соцреализма в контексте советской культуры 1920-х гг. // Первый российский эстетический конгресс, 17–19 октября 2018, Санкт-Петербург. Тезисы докладов. СПб.: Российское эстетическое общество, 2018. С. 283–285 (в соавторстве с Е.В. Махович).

16. Причины трансформации религиозной ментальности в российском обществе // Социально-психологические проблемы ментальности/менталитета / под ред. К.Е. Кузьминой, И.В. Морозиковой, Н.П. Сенченкова. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2018. С. 126–134.

17. Дихотомия «свой–чужой» в контексте культурного диалога метрополии и диаспоры (на примере русской культуры 1920–1930-х гг.) // Россия и Запад: диалог культур: материалы XX Междунар. конференции: сб. науч. статей. М.: Изд-во МГУ, 2018. С. 451–458.

18. Образ Руси – России в отечественной художественной культуре 1900-х гг. // География искусства: расширение горизонтов: сб. статей / отв. ред. и сост. О.А. Лавренова. М.: ГИТР, 2019. С. 131–140.

Подписано в печать 2.07.2019. Объем 2,5 п.л. Тираж 100 экз.
Заказ № . Типография МГИК. Адрес института и типографии:
141406 Московская обл., г. Химки, ул. Библиотечная, 7.